

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный Меридиан

Декабрь 2009 г.
№ 12 (24)

В.К. АРСЕНЬЕВ

СКАЗОЧНЫЙ МИР
В. Подмаскин, И. Киреева
(с. 6)

ПРОЗА
Ирина КИРИЯКА
(с. 13)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ**
Олег КОПЫТОВ (с. 20)

ПРОЗА
Сергей ЮДИНЦЕВ
(с. 22)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Зимний день. Фото Сергея Чёрного, г. Арсеньев

ПОЭЗИЯ
Юрий КАБАНКОВ
(с. 24)

ПОЭЗИЯ
Галина ЯКУНИНА
(с. 27)

ПОЭЗИЯ
Эльвира КОЧЕТКОВА
(с. 29)

ПОЭЗИЯ
Вячеслав ПРОТАСОВ
(с. 30)

Выражая благодарность

Самая прекрасная жизнь – это жизнь, прожитая для других людей.

Х. Келлер

Во втором полугодии текущего года финансовую поддержку «Литмеридиану» оказали наши авторы: Валентин Курбатов (г. Псков), Анна Петрова (г. Калгари), Иван Шепета, Сергей Барабаш, Вячеслав Протасов (г. Владивосток), Борис Дубровский (п. Углекаменск Приморского края), Георгий Назимов (Калифорния), Наталья Черняева (г. Москва), Василий Пономаренко (г. Ярославль), Людмила Берестова (г. Лесозаводск), Лена Акимова (г. Партизанск), Мария Калинина, Лира Бусыгина (г. Рошаль), Марина Зайцева (г. Корсаков Сахалинской области), Алиса Артеменко (с. Марьяновка), Надежда Белоусова (г. Благовещенск), Раиса Лихачёва (г. Калуга), Татьяна Левашева (пос. Черусти Московской области), Виктор Урусов, Анатолий Бакалов (г. Владивосток), Валентина Гамаюнова (г. Артём).

Благодаря вашей помощи, друзья, «Литературный меридиан» продолжает выходить в свет регулярно. Кроме того, в ноябре мы улучшили полиграфическое исполнение первой страницы, отпечатав её на офсетном оборудовании. В планах редакции – постепенно увеличить объём ежемесячника до 5 печатных листов (40 полос).

Спасибо и храни вас Бог!

Придуманный мир

Память, память... Кто знает, почему она зачастую избирательна и капризна?

Вот и сейчас всплывает в памяти выступление столичного поэта на радио России. К сожалению (или совсем наоборот – к счастью?), фамилию литератора назвать не могу – выступление годичной давности. Да и не фамилия важна...

Около получаса *товарищ* одаривал слушателей рассказом о поездке группы признанных литераторов по территории России осенью прошлого года. Грамотно говорил, литературным языком. И неслось над родными просторами (не дословно, но согласно смыслу сказанного): мы учили провинциалов, как нужно писать стихи... на Дальнем Востоке никто не знает настоящей литературы, а вот мы, европейцы...

Чванство и высокомерие сквозили едва ли не из каждого слова выступавшего. Но оправданно ли по-

добное неуважение к тем, кто служит Музе, по воле Небес проживая на Дальнем Востоке?

Или прав наш приезжий гость? И мы, азиаты, действительно чего-то не понимаем? Точнее, ничего не понимаем в литературе, а значит, и в жизни?

Однако страницы произведений «дремучих провинциалов» почему-то не дают согласиться с мнением московского автора. Беспристрастному читателю невозможно остаться равнодушным после прочтения книг Александра Егорова «Времена», Николая Чайки «Оранжевый волк», Ивана Шепеты «Все слова на "А"», Вячеслава Протасова «Свобода выбора», Веры Гундаревой «Я есть – сейчас», Сергея Барабаша «Избранное», Владимира Тыцких «Свеча горячая»...

И многие ли из жителей столицы могут похвастать тем, что они хотя бы листали страницы альманахов «Сихотэ-Алинь», «Рубеж»?

...И я улыбаюсь, вспоминая слова говорливого московского «литавторитета».

О неравнодушии

В январе 2010 года «Литературному меридиану» исполняется два года. Исторически – срок малый, незаметный на фоне быстро сменяющихся друг друга событий. Однако хочется верить, что мы находимся в самом начале пути – пути непростого, полного испытаний, но и открытий – новых одарённых поэтов, прозаиков, критиков, литературоведов, краеведов, художников и не менее талантливых читателей.

В уходящем году мы получили такое количество писем, рукописей, ксерокопий, книг, что иногда возникала мысль об открытии собственного музея, будь в распоряжении редакции хотя бы небольшое помещение. Спасибо вам за доверие!

Наталья Ивановна Черняева – человек неравнодушный, отзывчивый. От имени редколлегии выражаю ей благодарность за присланные номера журнала «Трибуна русской мысли», книгу Георгия Назимова «Жизненный путь россиянина без Родины». Занял своё почётное место среди вещей, дорогих моему сердцу, подаренный Натальей Ивановной компакт-диск «Казачья молитва» – не оставляют равнодушным 22 музыкальных композиции в исполнении Государственного казачьего хора под управлением В. Захарченко, Московского мужского камерного хора под управлением В. Рыбина, автора-исполнителя С. Матвеева и других. Особенно тронули моё сердце

песни «На горе, на горушке» в исполнении народного артиста России А. Михайлова и «Уходили мы из Крыма» в исполнении заслуженного артиста России В. Пьянова. Спонсором проекта выступил кубанский казак В.В. Лемешко. Спасибо!

Отвечая на вопросы

Меня часто спрашивают, к какому направлению тяготеет издание «Литературный меридиан»: «почвенников» или «западников»? «патриотов» или «либералов»? Каких политических взглядов сотрудники редколлегии и члены общественного совета?

Но уверен и смею утверждать, что подобные вопросы могут задавать лишь невнимательные читатели «Литературного меридиана». Разве произведения наших авторов не говорят сами за себя?

На мой взгляд, уместно лишь одно деление литературы: на талантливую и бездарную. К сожалению, произведений откровенно беспомощных становится всё больше... Но страшнее другое – достаточно бегло просмотреть списки хотя бы лонг-листов российских литературных премий – сегодня читателю навязывают «выдающиеся» произведения, к высокой литературе не имеющие даже отдалённого отношения. Некоторые именитые литераторы позволяют себе писать «социальные романы», «психологические» и т.д., абсолютно не владея предметом письма. И находятся «грамотные» критики, поющие дифирамбы авторам новоявленных «шедевров». И заполняют споры о «нетленках» страницы центральных изданий... По моему «провинциальному уму» – смешней не придумаешь!

Радует другое: в стороне от столичных распри и амбиций, далеко не всегда обоснованных, по городам и деревням российским живут и творят настоящие, чуткие к слову писатели, любящие малую и большую Родину, верные своим принципам, идеалам. Слава Богу, произведения многих таких авторов мы сумели опубликовать на страницах «Литературного меридиана» за два года существования ежесеместрника. И в наступающем 2010-м году редколлегия «ЛитМ» продолжит помогать талантливым авторам находить путь к читателям.

Что касается политики, партий и т.п., то считаю самой главной партией, которой нужно служить всю жизнь, – Совесть человека. Верь в Бога, живи честно, помогай ближнему – вот и вся политика.

Несколько слов о ваших письмах.

Прежде всего – приношу извинения тем авторам, кому я не сумел ответить лично. И причина тому – не безразличие, но перманентная занятость. Спасибо всем, кто понимает редактора и уважает его скромный труд.

И всё же обращаюсь к нашим многочисленным корреспондентам: пишите по делу; помните, что краткость и ясность изложения подразумевает опера-

тивный ответ редакции «Литературного меридиана». Пишущий должен понимать, что, если редактор будет тратить 2-3 часа в день на чтение корреспонденции, времени на вёрстку печатных полос и издание газеты просто не останется.

Ещё одна просьба к нашим подписчикам: пожалуйста, пишите разборчиво. Некоторые пишущие так и заявляют: «Ну написал неразборчиво, извините, если что не так». Мы и рады бы извинить, да текст послания остаётся недоступным. За что автор просит прощения: за сумбурность написанного или за собственноручный почерк?

И потому обязательные требования к публикуемым материалам никто не отменял:

присылаемые произведения должны быть отпечатаны на компьютере или пишущей машинке с двойным интервалом (в крайнем случае – пишутся печатными буквами). На обороте листа НЕ ПИСАТЬ и НЕ ПЕЧАТАТЬ. КАЖДЫЙ лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (ПОЛНОСТЬЮ) и наименование населённого пункта, в котором автор проживает.

Ксерокопии и работы, написанные неразборчивым почерком, НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ и к печати

НЕ ДОПУСКАЮТСЯ!!!

Мы не выдвигаем заведомо невыполнимых требований, но призываем к взаимной вежливости и взаимному уважению.

Об анонсах

В 2010 году мы планируем открыть новые рубрики, связанные с различными областями повседневной жизни: читателей ждут статьи педагогической и психологической направленности, биографии, мемуары, фрагменты переписки поэтов и писателей Золотого и Серебряного веков русской литературы и многое другое. Приоритетным направлением остаётся творчество наших современников.

В прошлом номере мы анонсировали морской конкурс. Конкурс обещает быть интересным, присоединяйтесь!

Уважаемые подписчики! Нам очень важно знать ваше мнение о работе редакционной коллегии и общественного совета. Присылайте свои пожелания и просьбы. Ждём ваших писем!

От имени редколлегии поздравляю наших подписчиков с приближающимися Новым годом и Рождеством. Спасибо, друзья, что вы были рядом в году уходящем. Надеюсь, в году наступающем наша искренняя дружба продолжится и поможет сделать «Литмеридиан» ещё интереснее для читателя и привлекательнее для публикующихся в нём авторов.

Владимир КОСТЫЛЕВ

Подводя итоги

Геннадий БОГДАНОВ

В заботах и хлопотах пролетел ещё один творческий год. В конце года принято подводить итоги, оглядываясь на пройденный отрезок времени, что я и попытаюсь сделать, перечисляя подшивку нашей газеты за уходящий 2009 год.

Каждый номер «Литературного меридиана» был по-своему интересен. Стало хорошей традицией публиковать художественные фотографии на первой странице газеты. Подведены итоги конкурса «9 Мая». Число авторов как прозы, так и поэзии пополнились новыми именами. Нас радовали своим творчеством такие мастера пера, как **Вячеслав Протасов, Иван Шепета, Владимир Тыцких, Юрий Кабанков, Галина Якунина, Вера Гундарева**. Некоторые публикации являются просто открытием, к примеру стихи **Николая Зиновьева**.

Наши постоянные авторы не отставали от признанных мастеров, а иногда буквально ошеломляли читателей новизной образов и чувств, их метафоричным выражением. Это целая плеяда поэтов: **Николай Чайка, Олег Матвеев, Александр Егоров, Александр Баш, Вера Саченко, Анна Петрова, Валерий Кулешов, Сергей Пагын**. В общем, много у нас поэтов хороших и разных. Некоторые имена мелькнули всего раз в год, но оставили яркий след в душе читателя. Вот две звёздочки, появившиеся на небосклоне «ЛитМ» в 2009 году – это **Владимир Котик и Дмитрий Рекачевский**. Оба пишут нерифмованные стихи.

*Ночью
все горы – будто близнецы...
читая наизусть Псалтырь,
поди разберись –
которая из них Синай.*

Это цитата из стихотворения В. Котика «Настроение».

Неустанно трудится над критическими статьями в плане литучёбы и над своими собственными стихами **Владимир Самарский**. Интересно было бы узнать мнение Владимира Павловича о стихах В. Котика и Д. Рекачевского. Чего нам недостаёт, так это обратной связи. Надеюсь, в следующем году будет больше опубликовано писем наших читателей.

Хорошо поработали в этом году многие авторы нашего издания. Отмечу ряд имён, заявивших о себе в изящной словесности: **Евгения Бакарюкина, Софья Иосилевич, Владимир Чугаев, Валерий Брусков, Лариса Салазко, Александр Балтин, Симон Слуцкий, Александра Золотарь**.

Поговорим о ноябрьском номере «ЛитМ», № 11. В нём опубликовано всего три стихотворения замечательного поэта Николая Зиновьева. Впрочем, вполне достаточно и одного стихотворения «Солнце встало...», чтобы понять, что перед нами самородок высшей пробы. Удивительно, но в стихотворении нет ни одной метафоры! Но тем не менее перед нами классика стихосложения. Всё правдиво до мельчайших деталей, таких, как тлеющая сигарета «Прима» на губе истопника. Я бы назвал творчество Н.Зиновьева суперреалистичным, как полотна художника **А.Шилова**. Пожалуй, весь успех стихотворения кроется в сильном психологическом ходе повествования, особенно в концовке, где автор обращается к Богу с простой просьбой взглянуть на строительство храма. Зиновьев обличает нас, грешных людей, но не осуждает. Он просто ярко

рисует картину строительства храма с природы, острым глазом схватив самое главное действие на строительной площадке. К сожалению, только вчера я наблюдал похожую обстановку при реконструкции церковного двора Христорожественского собора... Пусть не сомневаются критики: нет пошлости и цинизма в стихах Н.Зиновьева, как может показаться на первый взгляд – ведь храм строят, разве такое допустимо?! В том-то и дело, что отнюдь не ангелы строят храмы.

Стихи **Марины Зайцевой** просты и бесхитростны. В основном это посвящения, об этом говорят заголовки «Подводнику» и загадочные инициалы в правом верхнем углу стихотворений. Все стихи в подборке равноценны, но мне больше всего понравился «Пришлый». Есть в нём трагизм простого незаметного бытия русского человека.

О стихах **Веры Гундаревой** много говорить не буду. Её лирика чудесна! Прочитайте стихотворение «Снова тучи над городом осень развесила» и вам откроется прекрасный мир души Поэта.

Сергей Барабаш выставил целую галерею ярких, запоминающихся пейзажей в подборке под заглавием «Ночами мне снятся дубравы». Вот живая картина умирающего деревенского быта, в которой зримо ощущается тишина полей; а вот три разномастные коровы, погоняемые хворостиной бородатого мужика, и крайняя изба, и старухи на завалинке... С лёгкой грустью об уходящем – «Голубеет осеннее небо». В целом все стихи в подборке выписаны тщательно и ровно. Автор верен себе, своему внутреннему миру.

Думаю, многие знакомы с творчеством **Леонида Филатова** как великолепного актёра и острого на слово поэта. Лично я был приятно удивлён, увидев стихи Л. Филатова на страницах нашей газеты. О многом задумаешься, прочитав вроде бы весёленькую «Песенку о свободе слова».

А каким искромётным юмором и сатирой дышит «Песенка актрисы варьете»!

Евгения Бакарюкина мастерски нарисовала портрет современной девочки-подростка. Пожалуй, это самое яркое стихотворение из всей подборки автора. Остальные лирические стихи, к сожалению, тривиальны.

В который раз в них слышится безнадёжность неразделённой любви. Помните, «Ремесло» **П. Антокольского**: «На собственной золе ты песню сваришь,/ Чтобы другим дышалось горячо». Вот и надо писать так, чтобы вызвать у читателя горячее ответное чувство.

К стихам Владимира Тыцких я отношусь с чувством благодарного читателя, принимая всей душой его творчество, в котором, пожалуй, больше кропотливого труда над словом, чем непосредственных эмоциональных всплесков.

Завершают рубрику «Поэзия» стихи **Валерия Брускова**. Вполне достойны пристального внимания читателя первые два стихотворения: «Хоть всем нам любовь как наследство завещана» и «Как много нас». «Метаморфозы» – это немного затянута пародия на стихи **Владимира Дагурова**, в которой не хватает остроты. Хотя, возможно, я избалован яркими пародиями **Александра Иванова** – большого мастера этого непростого жанра.

Желаю всем нашим авторам и читателям здоровья и Божьей благодати. До новых творческих встреч в Новом году!

СНЕГ НА ПОКРОВ

Настька – баба горластая. Это все знают в Пыжовке и боятся с нею связываться. Не было еще в деревне такого человека, местного или заезжего, с кем бы Настька не поцапалась. И не она в этом виновата. Уж очень недалёковидный народ ей попадает: думает, ежели стоит в очереди в сельмаге за хлебом смиренная женщина в низко повязанном платке, с опущенными глазами, в замызганной куртке, из-под которой свисает серый фартук, так ей можно сказать что вздувается. А того не видят глупые люди, что губы у Настьки так поджаты, что аж совсем спрятались.

Это – от злости. Но зря было бы думать, что Настьку все подряд злит. Еще чего! Будет она по пустякам из себя выходить! Настька обычно вообще молчит, даже когда рядом кто-нибудь ссорится. И к разговорам вроде совсем не прислушивается, словно глухая. И вот в этом-то вся опасность. Никто не знает, когда Настька сорвется, а потому и попадает к ней на крючок каждый встречный, которому не повезет.

Стоит-стоит они себе в очереди в сельмаге, а рядом между женщинами идет тихий разговор о том, почему куры нынче не несутся. И Настька, не отрывая глаз от полу, вдруг говорит:

– Пряма, не несутся! Каждый день все гнезда полны, куда девать – не знаешь, на базаре не берут...

– Вон что... – удивляются женщины, – кому, значит, счастье, а у нас не несутся, беда!

– Пряма, не несутся! – повторяет свое Настька уже громче, – у Райки несутся, у Машки несутся, полны гнезда...

– Как это – у Райки несутся? – удивляется Настькина соседка по очереди, – да я сама у нее на днях была, она мне жалась – не несутся куры, хоть что ты делай!

– Пряма, не несутся! – коротко, отрывисто и зло бросает Настька.

И вот так всегда. Не приведи Бог попасть в эту перепалку, после которой придешь домой – и не отплюешься. Однажды в очереди у колодца сцепилась Настька с мужиком, с Федором Коровкиным. Он подошел за водой, покуривая сигаретку. Видно было – слегка навеселе и довольный.

– Эх, легла, видно, зима, – энергично сказал Федор, зажимая сигарету между пальцами, – снег-то на Покров выпал.

– Пряма, на Покров! – сказала Настька, не поднимая головы и словно ни к кому не обращаясь.

– А как же, на Покров, – повторил мужик.

– Пряма, на Покров! – опять сказала Настька и зло посмотрела на Федора.

– Да когда же, как не на Покров? – засмеялся Коровкин, показав всем дырку от выпавшего зуба. – Я еще хрячка заколот в тот день у тещи. Вонючий хрячок попался, загулял... – Федор сплюнул и покачал головой, видимо, осуждая подгулявшего хряка.

– Что бубнишь, как бубен, одно и то же – на Покров да на Покров, – зычно сказала Настька, – иди, проспись лучше.

– Ты меня поила? – обиделся Коровкин. – Поднеси, тогда посылай.

– Пусть тебе Манька Клюква подносит, – фыркнула Настька и высморкалась в фартук.

– Дура чертова! – обозлился Федор.

– Сам пень гнилой! – крикнула Настька, и глаза у нее загорелись.

– А ты знаешь, гнилой я или хороший?

– Манька Клюква пусть знает.

– Ты что все про Маньку, ты про себя скажи, зараза, – Федор даже побледнел.

– Паразит ты, паразит, – заорала Настька, кидая ведро в колодец, – морда твоя неумытая, чего к людям цепляешься? Тебе твоих мало, да? Мало тебе, что жену свою загубил и детей, пьянь, ты еще ко мне лезешь!

Федор как стоял, так и врос в осеннюю грязь. Он ошалело озирался вокруг, но бабы молчали. А Настька, зачерпнув воду, снимала веревку с ведра и кричала визгливо:

– А ты что думал, молчать тебе буду? Все знают, как ты пьешь и дома бандитничаешь, пьянь! – и, подхватив ведра, пошла от колодца, зло вдавливая грязь ногами так, что на подол цвыркали черные лепешки.

Федор закурил бы новую сигарету, да не прихватил с собой пачку и жалко и беспомощно мусолил в губах потухший окурочок. Жена у него все время прибаловала, и именно по этой причине Федор за всю жизнь пальцем ее не тронул. И выпивал, в основном, по воскресеньям – у тещи. Да и то так, с устатку. Коровкин не стал набирать воду, а, подхватив ведра, понесся по грязи за Настькой. Догнал и сказал тихо:

– Ну, зараза, попадись ты мне... – и выплюнул окурочок в грязь.

Никто не связывался с Настькой в Пыжовке, никто не мстил за обиды. А Коровкин решил расквитаться. Как – он не знал, но едва завидев Настьку, чувствовал, как закипает в нем ненависть, и его начинало трясти. А она, почуяв опасность, обегала теперь Коровкина стороной.

И вот однажды утром они все-таки встретились. В лещочке, который отделял деревню от фермы, где Настька работала. Федор издали заметил ее и прибавил ходу. Она слишком поздно почувствовала погоню и, оглянувшись, увидела около самого лица побелевшие щеки своего врага, поскользнулась и со всего маху села на снег. А Федор, нагнувшись и прихватив за воротник облезлой шубейки, тряс ее и, не помня себя, повторял:

– На Покров снег-то, на Покров...

– А-а... – пыталась крикнуть Настька, но ей не хватало воздуха, ноги ее скользили по снегу, она никак не могла встать.

Федор все тянул ее вверх, а сам не знал, что ему делать дальше, но сообразить не успел – из глаз посыпались искры, и он, разом выпустив ненавистного противника, схватился руками за голову, размазывая по лбу кровь. А Настька, бросив толстый сук, который падая успела подхватить с земли, когда Федор потянул ее за воротник, бежала к ферме, спотыкаясь и подвывая.

...Закончив дойку, она отправилась в сельмаг за хлебом. Там уже была очередь, в которой, понуриив завязанную жеминной косыночкой голову, скучал Федор. Настька заняла очередь и стояла, вперив взгляд в пол. Из-под шубейки, как обычно, свисал серый фартук. Когда Федор положил деньги на прилавок и принялся заталкивать буханки в большую сумку, Настька, не поднимая глаз, вдруг зло сказала:

– С утра ошивается по магазинам пьянь всякая, как на людей глаза только смотрят!

И никто ей не ответил.

И никто ее не поддержал.

Недига и Медная птица

Владимир ПОДМАСКИН,
Ирина КИРЁЕВА,
г. Владивосток

Давно это случилось. В те времена, когда злой старик Канда Мафа на земле жил. В дремучей тайге кава – дом из коры – стоял. В нём одинокая женщина жила. Однажды возле дома медное яйцо упало. Оно так сияло, что женщина зажмурилась. «Видно, с солнца прилетело», – подумала она. Взяла она яйцо в руки – а из него крохотная девочка вылупилась. «Дочка у меня будет! – обрадовалась женщина. – Да только не простая это девочка. Это Счастье на землю с небес прилетело. Вот какая дочка у меня!» Стала женщина растить малышку. Имя ей придумала. Но по имени её никогда не называла: от злых духов оберегала. Узнают злые духи, как малышку зовут, беды не миновать. Медной птичкой женщина девочку называла – вот как. Быстро выросла Медная птица. Такой красавицей стала, каких на земле и не бывало раньше. Стройная, словно лесная лилия среди пушистых трав. Нежный загар у солнышка взяла. Черноту и сияние глаз – у ночного звёздного неба. А румянец и алые губы – у лесных ягодок. Чуть подросла – стала в птицу превращаться и из дома улетать. Но всегда возвращалась. На землю опустится – снова девушкой-красавицей станет, в дом войдёт.

– Где ты летаешь, Медная птичка? – ласково спрашивала у неё мама.

– Людям счастье разношу, – отвечала девушка.

Однажды вернулась, а матери нет – берёза возле дома растёт. Села Медная птица на ветку берёзы, крыльями ствол обняла, головой прижалась.

– Я всегда буду к тебе прилетать, – сказала она матери.

Много лет с тех пор прошло. Состарилась берёза. А Медная птица живёт. По миру летает – людям счастье приносит. Летела-летела она однажды да за девятью реками – возле старого дуба – юрту увидела. В ней старик со старухой жили. Одинокие они были. Молчали всегда: за долгую жизнь почти все слова друг другу сказали. Все большие и малые дела переделали. Очень старик о сыне мечтал. А старуха и сыну, и дочке была бы рада. Да зачем зря о мечтах говорить? Вот и молчали они. Вышел однажды старик ночью из юрты – на дубе птица сидит. Голова и крылья под лунным светом блестят.

– Кто ты? – удивился старик.

– Я – Медная птица, – отвечает. – Птица счастья. Хорошую весть тебе принесла: у тебя сын будет.

Ещё больше удивился старик. А птица говорит:

– Встань раньше солнца. За три перевала навстречу рассвету иди. За тремя перевалами родник из-под земли бьёт. Собери вокруг него семена разных растений. С землёй их смешай, комок сделай. Родниковой водой этот комок смочи, домой принеси – пусть старуха его проглотит. Вот и родится у вас сынок.

Всё сделал старик, как Медная птица велела. Родился

у них со старухой сынок Недига. Отец с матерью от счастья места себе не находят. Много дел у них появилось – и каждое в радость. А сынок быстро растёт. Через три дня после рожденья на крепкие ноги встал, а через год – на охоту отправился. Изюбря добыл. Потом острогу взял и на речку ушёл рыбу колоть. Вдоволь старики родители и мяса и рыбы поели.

Вскоре слух по всей земле прошёл: злой старик Канда Мафа людоедом стал. В Железную птицу превращается, людей ловит и съедает. А кого не съест – в подземной пещере прячет. Недига и говорит:

– Большой я вырос. Пойду на край земли – с людоедом Канда Мафой сражаться. Пока не убью его, домой не вернусь.

Испугались старые родители:

– Разве ты большой, сынок? Всего второй раз горы белые шапки примерили с тех пор, как ты родился.

– Зачем считать, сколько раз горы шапки примеряют? – удивился Недига. – Лучше мне дайте праздничную одежду отца примерить.

– В амбаре хранится онёнду тэга – одежда для праздников. Она тебе впору будет, – ответил отец.

Пошёл Недига в амбар. Увидел рукавицы – на ноги их напялил. Головной накидкой помпой колено обмотал. Достал сапоги унты с полки – на руки надел. Смотрят на него отец с матерью – смеются:

– Неправильно ты оделся, маленький богатырь.

Посмотрел на себя Недига и сам рассмеялся. Догадался что к чему – быстро переоделся. Взял копьё, лук и стрелы. На лыжи встал задом наперёд: носки спереди, а пятки сзади. Назад лыжи едут, а вперёд не двигаются. Опять родители посмеиваются. Развернулся Недига, оттолкнулся – как снежный буран понёсся. Родители глаза от снега прикрыли.

Слух по свету быстро летит. Ветер за ним не поспекает. Узнал Канда Мафа, что богатырь Недига идёт с ним сражаться, расхохотался:

– Пусть поскорее идёт! Давно я молодых не ел. Одни старики попадают.

Сказал он так, а сам подумал: «Слишком смелый этот Недига. Может, он сильнее меня? Не хочу с ним состязаться. Пусть сначала с ним карлик Бохо и змея Сима силой померяются». Позвал он Бохо и Симу и говорит:

– Недига только ростом большой. А ума у него совсем нет, ведь он дитя малое. Стыдно мне с таким соперником состязаться, – и приказал злой старик болотному карлику и змее с маленьким богатырём расправиться.

До края земли долго идти. Лес летний наряд надел. Недига зимнюю одежду и лыжи в дупле спрятал. Быстро идёт. К берегу реки вышел. Наклонился воды испить. Отражение Медной птицы в воде увидел. Говорит птица:

– Недига! Эта река Игней бьяса называется. Значит, она через болота течёт. А в болотах злой карлик Бохо живёт. Хитрый он. Поэтому очень опасный. Осторожным будь. Не слушайся его.

– Спасибо, Медная птица, – поблагодарил Недига.

Напился он воды. Глядь – чёрный карлик рядом сидит. Одна нога у него и одна рука.

– Пойдём, – говорит карлик, – через болота тебя проведу, а то утонешь.

– Нет, Бохо. Не пойду за тобой. Ты в трясины заманишь.

– Да ты меня боишься! – засмеялся карлик. – Только с виду богатырь, а душа у тебя трусливая.

– Я боюсь?! – схватился за копьё Недига.

А карлик вскочил на ногу:

– Боишься! Боишься! – кричит, а сам на одной ноге по кочкам вдаль скачет.

Недига за ним! Да разве одноногого Бохо догонишь?! Упал маленький богатырь. Трясина его затягивает. По пояс в болото ушёл. Хотел до кочки дотянуться – по шею увяз. Вот-вот утонет. Хорошо, что копьё в руках было. Подлетела Медная птица. Вцепилась клювом в копьё и вытянула Недигу из трясины.

– Я ведь предупреждала тебя, какой Бохо опасный.

– Он сказал, что у меня душа трусливая! – возмутился богатырь.

– Ведь он специально дразнил тебя, на болото заманивал. А ты на его хитрость поддался.

Вздыхнул Недига. Понял он: богатырю не только сила нужна. Ум богатырю – тоже не помеха. Поблагодарил он птицу. Дальше пошёл. Через Гогдиму, солонцовую реку, вброд перебрался. Через сопку-котёл Калаи перевалил. За ней Охоме, река горбуши, течёт. Вдоль её берега много юрт стоит: стойбище раскинулось. Подошёл Недига к первой юрте:

– Багдыфи! – заглянул в неё. – Здравствуйте!

Пусто в юрте. Во вторую, в третью заглянул богатырь. Никого нет! Удивился он. Куда люди делись? Только в самой крайней юрте маленькая девочка-толстушка сидит и горько плачет. Спрашивает у неё богатырь:

– Отчего ты плачешь? Куда все люди делись?

– Всех людей в нашем стойбище громадная змея Сима съела. Каждый день приползает и съедает по одному человеку. Я одна осталась. Сегодня меня съест, – ещё сильнее заплакала малышка.

– Не съест, – говорит Недига. – Тебя как зовут?

– Не видишь, что я толстушка? – спрашивает девочка. – Бумбу меня зовут, вот как. Так всех толстух называют.

– Хорошее у тебя имя. Весёлое. У кого такое имя, тот плакать не должен – только смеяться, – стал утешать девочку богатырь. – А с Симой я расправлюсь.

– Не справишься ты с ней. Сима, знаешь, какая громадина?

– Посмотрим, – отвечает богатырь, а сам думает: «Сима сильнее меня. Я её хитростью одолею».

Тут грохот послышался: вековые деревья валяются, камни с горы катятся. Сима ползёт! Увидел её Недига – от удивления чуть рот не открыл. Он и не знал, что змеи такие огромные бывают. Толще самого толстого дерева – вот какая Сима оказалась! Пасть раскрыла такую, что в неё взрослый человек, не нагибаясь, войдёт!

– Ещё один обед ко мне сам пришёл? Хорошо! Сейчас я тебя съем! – зашипела Сима.

Испугался маленький богатырь, но виду не показывает:

– Вот ещё! Я сам тебя съем. Проголодался очень, – засмеялся он.

– Тебе меня вовек не одолеть! Я тебя одним зубом насквозь прокушу!

– Нашла чем хвастаться – длинными зубами! Лучше бы умом похвасталась, – подзадорил змею богатырь.

– У меня и силы много, и зубы длинные, и ума хватает, – похвасталась змея.

– Давай тогда соревноваться, – предложил Недига. – Прятаться будем. Кто кого найдёт три раза – тот того и съест.

– Прячься первым, – говорит Сима. – От меня не спрячешься. Я везде найду.

Зашёл Недига за кедр и думает: «Мои родители – люди, а прародители – семена. Они-то и помогут мне спрятаться». Залез он на кедр, в шишку превратился, повис на дереве. Смотрит с высоты, что будет. Заглянула змея за кедр – нет Недиги. Стала она камни расшвыривать, в дупла заглядывать. Воду в реке взбаламутила. Во все юрты заглянула. Нигде Недиги нет!

– Сдаюсь! – говорит.

Шишка тихонько упала на землю. Человеком стала.

– Вот он я! – объявился богатырь. – За кедром стоял.

Зашипела Сима от злости:

– Второй раз прячься.

Осмотрелся Недига. Что за диво?! Три белые берёзы растут. Лимонником оплетены. На нём красные гроздья висят. Превратился парень в красную гроздь. На лозе повис – словно на берёзе вырос.

Невдомёк змее. Опять всё переворачивает, в пещеры заползает, за птицами гоняется. Умаялась:

– Сдаюсссь, – шипит.

– Вот он я! За берёзами стоял! – выходит Недига.

Смотрит на него Сима и глазам своим змеиным не верит: ведь сколько раз вокруг берёз ползала.

– В последний раз прячься! – говорит.

Недиге и самому понравилось в прятки играть. Под дуб забежал. Жёлудем стал. Попробуй – найди среди других желудей. Три раза змея рядом с ним проползала, чуть не раздавила его. Но найти не смогла.

– Моя очередь прятаться, – говорит она.

А сама думает: «Я тоже хорошо спрячусь. Недига не найдёт меня. А потом проглочу его без предупреждения».

Зажмурился парень. А змея к реке поползла. От берега к берегу перекинулась, бревном стала. Долго искал Недига. К реке подошёл. «Не видел я этого бревна», – думает. Пощекотал бревно копьём. Оно как бултыхнётся от щекотки!

– Выходи, Сима, нашёл я тебя! – обрадовался парень.

Выползла змея. Опять Недига зажмурился, а сам посмеивается. Вот второй раз спряталась змея: в лес заползла, в вышину вытянулась, сухим деревом притворилась. Пошёл богатырь искать. Ходил-ходил по лесу. Смотрит: сухостоина стоит. А кора поблёскивает, как у живого дерева. «Это кожа змеиная блестит», – догадался он. Пощекотал дерево копьём – оно извиваться стало.

– Нашёл я тебя, Сима!

Шипит змеица, злится. Того и гляди проглотит со злости.

В третий раз прятаться поползла. На гору Калаи забралась. Вокруг круглой вершины спиралью скрутилась и окаменела. Вершина горы лысой стала.

И в лесу, и вдоль реки – везде искал Недига. На Калаи поднялся. «Я недавно тут шёл, – думает. – Не было лысины у горы. Тут трава да кусты росли». Выстрелил из лука в середину лысины – стрела в сердце змеи попала. Зашипела она в последний раз и по-настоящему окаменела. С тех пор и гору переименовали: Голой вершиной – Кинка уо – стали её называть.

А Недига спустился вниз. Сделал маленькие нарты. Посадил на них девочку. Достал стрелу из колчана. Нарты к стреле привязал и говорит малышке:

– К моим родителям полетишь. С ними жить будешь.

Про меня им расскажешь. Пусть не грустят.

Натянул богатырь тетиву. Полетела стрела и возле юрты его родителей упала. Вышли они из юрты. Видят: стрела их сына в землю вонзилась. К стреле нарты привязаны. В них маленькая девочка сидит.

– Как тебя зовут?

– Бумбу.

Обрадовались старики! Стали они девочку растить, а она им про Недигу и его подвиги рассказывать.

Недига дальше идёт. Проголодался очень. На большую поляну вышел. А по ней красный волк во всю прыть бежит. Прицелился Недига, а волк остановился и говорит:

– Богатырь, кусок моего мяса тебя от голода спасёт. А мой совет жизнь спасти может. Выбирай, что тебе нужно.

– Совет нужнее, – опустил лук Недига.

– Вот тебе мой совет, – говорит красный волк. – Сейчас тёмный лес на пути у тебя встанет. Не обходи его стороной. Зайди в него. В нём два ручья текут: с жёлтой и белой водой. Сначала жёлтой воды попей – богатырским сном уснёшь. Три раза солнце и луна на небе сменят друг друга – вот сколько времени ты спать будешь. Проснёшься – белой воды попей. Не маленьким, а могучим богатырём станешь. Невиданные силы в тебе появятся.

Поблагодарил Недига волка за добрый совет и пошёл своей дорогой. Вскоре на пути у него тёмный дремучий лес встал. Вошёл в него маленький богатырь. Такой сумрак в этом лесу, будто солнце в него вовсе не заглядывает. Слышит парень: ручьи журчат. Пошёл он на звук. К двум ручьям тропа привела. Едва в темноте различил, где белая, где жёлтая вода течёт. Сделал всё, как красный волк посоветовал. Испил жёлтой водицы – и уснул богатырским сном. Три раза солнце и луна на небе друг друга сменили – проснулся маленький богатырь. Испил белой воды. Силу небывалую почувствовал. Могучим богатырём стал. Теперь великан Канда Мафа ему совсем не страшен. А Канда Мафа всё про Недигу знает. К бою готовится. В огромную Железную птицу превратился. Высоко в небе летает, соперника высматривает. Вышел Недига из тёмного леса, взглянул на Железную птицу и спрашивает:

– Ты зачем, Канда Мафа, людоедом стал? Невинных людей съедаешь, а кого не съешь – в пещере прячешь? Я пришёл, чтобы людей защитить и с тобой расправиться.

Рассмеялся Канда Мафа и прямо на богатыря полетел. Хотел железным клювом голову ему пробить, но вернулся Недига, выстрелил в жестокую птицу. Маленькое пёрышко отстрелил, оно со звоном на землю упало. Страшный бой завязался. Семь раз солнце на небе с лунной местами менялись – вот сколько бой длился. Перья железные трещали, звенели, на землю сыпались. Не сдавался Канда Мафа. Но и богатырь кровью истекал, а не сдавался. К концу седьмого дня чувствует Недига: на исходе его богатырские силы. И стрела последняя в колчане осталась. Достал он последнюю стрелу, прицелился, последний раз по врагу выстрелил. Ранила стрела могучую птицу, но не убила. Обрадовался злодей:

– Конец твой приближается, Недига. Голыми руками меня не возьмёшь! Сейчас клювом схвачу, в воздух подниму и на землю брошу! – кричит.

Кинулась Железная птица на человека. А Недига опять вернулся, через спину перекатился и вцепился в крылья злодею. Стала метаться под самым небом Железная птица, хочет богатыря сбросить.

– Хотя до снежных буранов летай, я не отцеплюсь. Всё равно когда-нибудь устанешь, опустишься на землю. Тут я с тобой и расправлюсь. У меня ещё копьё есть, – пугает Недига Железную птицу, а сам от усталости еле дышит, вот-вот свалится.

Вдруг из-за тучи ослепительный свет блеснул. Медная птица появилась! Взглянул на неё Канда Мафа и ослеп от сияния. Глаза зажмурил да со всего маху в скалу врзался. Грохот, звон железа над лесами и горами разнёсся. Разбилась Железная птица. На куски рассыпалась. Крылья и вовсе отвалились. Страшный клюв сломался. Видит Недига: не птица, а страшный старик Канда Мафа мёртвый лежит. Вокруг него груды железа. Под этими раскалёнными грудями железа земля стала таять, раздвигаться. Огромная яма под ногами богатыря открылась. Стал он в эту яму проваливаться. Медная птица успела ему пёрышко кинуть. Схватил Недига пёрышко, в ладони зажал. Упал под землю, в пещере оказался. Разжал ладонь – пёрышко пещеру осветило. Нашёл Недига людей, которых Канда Мафа тут прятал. С помощью медного пёрышка богатырь всех людей из пещеры вывел. Много народу спас. Сам последним наверх поднялся. Домой отправился. По пути в дупло заглянул, лыжи да праздничную одежду отца забрал. К юрте своей подошёл – его красивая девушка встречает.

– Бумбу, это ты такой красавицей стала? – удивился богатырь.

А девушка глаза от смущения опустила.

Вошёл он в юрту – а там берёза и тополь стоят. Всё понял Недига: отец и мать не дождалась его, деревьями стали. Рядом с родительским домом Недига шалаш поставил. В нём с Бумбу поселился. На охоту пошёл, с добычей вернулся. Бумбу мясо сварила. Пригласили они родителей на ужин. Пришли родители, поужинали с ними и говорят:

– Недига, Бумбу – добрая девушка. Хозяйка хорошая. Рукодельница. Лучшей жены ты себе не найдёшь.

Ушли старики в свою юрту, снова деревьями стали. А Недига женился на красавице Бумбу. Хорошо они жили. Много детей у них было.

Птица счастья дружила с ними. Навещала часто.

Марина

Из Поэтов считаю Цветаеву — первым.
Несколько её стихотворений, несомненно, станут украшением нашего декабрьского номера.
В. Костылев

Из цикла «Стихи к Блоку»

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное
движеньё губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет та́к, как тебя зовут.
В легком щелканье
ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет нам его в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое, — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной,
голубой глоток,
С именем твоим — сон глубок.
15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.

Голубоглазый —
Меня — сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне по́д ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь.

1 мая 1916

6

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны по́ снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О, поглядите — как
Веки ввалились темные!
О, поглядите — как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди разные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

Из цикла «Вячеславу Иванову»

1

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова — золотая.
Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые.
Так дети сияющий лоб
Над Библией клонят впервые.
Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлинкой к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою — ночь,
А я все стою и читаю.

2

Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горlinkка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих поминаний и здравий.
Звеню побрякушками бус,
Чтоб ты оглянулся —
не слышишь!
О Равви, о Равви, боюсь —
Читаю не то, что ты пишешь!
А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая...
Ты знаешь —
чтоб лучше читать,
О Равви! — глаза закрываю...
Ты пишешь перстом на песке...
Пасха 1920

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

Есенин и Рубцов: ЖГУЧАЯ, СМЕРТНАЯ СВЯЗЬ

«Дети Ра», 2009, № 10 (60)

О творческих переключках в поэзии Сергея Есенина и Николая Рубцова написано немало. Можно вспомнить книгу Вадима Кожина «Николай Рубцов (заметки о жизни и творчестве поэта)», М., 1976; статьи Нины Красновой «Весенний Есенин», «Наша улица», № 7, 2007, очерк Николая Красильникова «Открывая всей земли красу», «Сибирские огни», № 7, 2007 и т.д.

Однако эта тема до сих пор полностью не разработана в отечественном литературоведении.

Попытаемся рассмотреть творчество Есенина и Рубцова как творчество поэтов-пророков, сумевших не только выразить время, но и предсказать свои собственные судьбы.

...Путь любого человека, тем более поэта, — это подготовка к смерти. Есенин, а позже Рубцов (точно Пушкин в XIX веке) по неизвестным нам причинам как бы моделировали свою кончину, отчасти программировали ее, играя с судьбой в опасную и фатальную суицидальную нейро-лингвистическую игру [1].

В последние годы ведется широкая дискуссия о причинах самоубийства (убийства?) Сергея Есенина. Например, известные исследователи творчества поэта Станислав и Сергей Куняевы приводят в своих статьях, интервью, книгах [2] документы, свидетельствующие о том, что Есенин действительно был убит. Однако до сих пор абсолютной ясности в этом трагическом деле нет. При этом совершенно очевидно другое. Сергей Есенин, начиная с 1921 года (за четыре года до смерти), начал катастрофически остро ощущать приближение смерти.

Более того, многие друзья поэта, современники тоже предвидели его судьбу. В частности, Николай Клюев писал своему младшему другу: «Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обреченный на заклятие за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба... Порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе...» [3].

Стихи Есенина последних лет достигают вершины пророческой, трагической исповедальности.

1921 год

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть. [4]*

1923 год

*Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда. [5]*

1924 год

*Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли. [6]*

*Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать. [7]*

1925 год

*Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке. [8]*

*Видно, смерть мою почувал
Тот, кто вьется в вышине. [9]*

*Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.
Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.
Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак. [10]*

Как видим, поэт знал о своей судьбе все. Он знал, что скоро умрет. И знал, что его ждет бессмертие. Он ни в чем не ошибся.

*И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита. [11]*

Во второй половине XX века пророческие черты проявил Николай Рубцов, которого справедливо называют наследником лиры Сергея Есенина. Это справедливо не только потому, что Рубцов — крестьянский, народный поэт, следующий определенным традициям. Рубцов, тончайший лирик XX века, так же, как Есенин, остро чувствовал приближение своей смерти, писал о ней. Конечно, поэтический темперамент Рубцова не столь экспрессивен, как у Есенина, он — поэт, предпочитающий тихий, иногда ироничный, даже умиротворенный — без надрыва! — разговор. Но вот что удивительно: слова,

сказанные Рубцовым даже как бы мимоходом, с улыбкой, сбылись.

*Мое слово верное
прозвонит!
Буду я, наверно,
знаменит!
Мне поставят памятник
на селе! [12]*

Памятник поставили 21 сентября 1985 в городе Тотьме, когда не прошло и пятнадцати лет со дня гибели поэта.

...Часто цитируют знаменитые рубцовские строчки, написанные им в 1970 году: «Я умру в крещенские морозы. / Я умру, когда трещат березы». [13]

Он действительно умер в крещенские дни, хотя морозными они в тот год на Вологодчине не были. Впрочем, не о том сейчас речь. Есть и другие поражающие воображение эсхатологические стихи поэта.

*Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя. [14]*

*Зима глухая бродит по дорогам,
И вьюга злая жалобно скулит...
Я ухожу до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит. [15]*

В 1957 году Николай Михайлович написал пронзительное стихотворение, в котором чувствовался излом, надрыв души поэта. Он предчувствовал серьезные жизненные бури. И за каждое сказанное слово заплатил, как и положено поэтам, кровью.

*Что с того, что я бываю грубым?
Это потому, что жизнь груба.
Ты дымишь
своим надменным чубом,
Будто паровозная труба.
Ты одет по моде. Весь реклама.
Я не тот...
И в сумрачной тиши
Я боюсь, что жизненная драма
Может стать трагедией души. [16]*

Жизненная драма действительно стала трагедией. Людмила Дербина, гражданская жена поэта, задушила его после грубой ссоры в промозглой вологодской хрущобе, где Рубцов жил. Почему это произошло? Есть разные описания того трагического дня, в том числе оставленные самой Людмилой Дербиной.

Она, в частности, писала: «...Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки...

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буйство. Он влил мне несколько оплеух. Нет, я их ему

не простила! Но по-прежнему презрительно молчала. Он все более накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню...

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь... Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убежать.

— Я уйду.

— Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» — мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновение — и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала тереть его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Я стояла над ним, присосая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся...

Тихо прикрыв дверь, я спустилась по лестнице и поплелась в милицию. Отделение было совсем рядом, на Советской улице...» [17].

Смертельная трагедия на бытовой почве, в результате ревности и пьяной ссоры? Или что-то другое? Или действительно неумолимый рок, который преследовал великого поэта?

Удивительно то, что Людмила Дербина (кстати говоря, незаурядная поэтесса) сама чувствовала приближение

беды. Незадолго до нее она писала в стихотворении, посвященном Н. Рубцову:

*О, так тебя я ненавижу!
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу!)
Забавный номер отколю.
Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы! [18]*

Поразительно созвучно (и по духу, и по лексике) этому жуткому сочинению Дербиной стихотворение Рубцова «Кружусь ли я...», которое он написал в октябре 1965 года.

*Когда бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду!
Но дух мой... вылетит в трубу! [19]*

Давно известно, что основные темы поэзии — любовь и смерть.

Творчество Николая Рубцова это подтверждает со всей очевидностью. Он писал и о любви, и о смерти. И писал очень точно. Если мы внимательно прочитаем стихи последних лет Николая Рубцова, то обнаружим отнюдь не советскую лексику в его произведениях — «идет процессия», «где тут погост», «Отложу свою скудную пищу. / И отправлюсь на вечный покой», «тоска», «кладбищенские елки» и т.д.

Есенин и Рубцов чувствовали приближение своего земного финала, приближающуюся всемирную посмертную славу. Все их трагические и пророческие высказывания сбылись.

Литература:

1. См. об этом подробнее: Евгений Степанов. «Поэты-пророки», — «Футурум АРТ», № 1, 2001, с. 57—64; Евгений Степанов. Футурум-коммуникация Александра Сергеевича Пушкина. — «Дети Ра», № 7, 2009. С. 36.
2. См. об этом, в частности: Куняев Ст. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мол. гвардия, 1997. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 741). С. 567 — 577.
3. Там же. С. 345.
4. Есенин С. А. Стихотворения и поэмы / Сост. и вступ. Ст. А. А. Козловского; ил. и оформл. Т. Н. Костериной. — М.: Правда, 1984. С. 89.
5. Там же. С. 106.
6. Там же. С. 95.
7. Там же. С. 107.
8. Там же. С. 114.
9. Там же. С. 117.
10. Там же. С. 124.
11. Там же. С. 209.
12. Рубцов Н. М. В горнице моей светло. Стихотворения. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 105.
13. Там же. С. 315.
14. Там же. 26.
15. Там же. 27.
16. Там же. С. 31.
17. Цит.: Федор Раззаков. Звездные трагедии: загадки, судьбы и гибели. Николай Рубцов. Сайт <http://rubtsov.id.ru/biographia/razzakov.htm>.
18. Цит.: Алексей Чернышев «Душа, которая хранит всю красоту былых времен», опубликованной в газете «Тверские ведомости», 23 февраля — 1 марта 2001 года.
19. Рубцов Н. М. В горнице моей светло: Стихотворения. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 46.

Парк во времени

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ,
г. Москва

1
Как хорошо бывает с Невского,
С метафизических высот,
Упасть на улицу Вишневого,
Больной массируя висок.
За завтраком послушать радио,
Тетради старые достать
И все прошедшее и раннее
Скептически перелистать.
Одно мертво, другое издано,
И снова — с чистого листа.
Что делать? Убираться из дому,
Покуда ты не арестант.
Куда? Неплохо в парк
направиться.
День ослепительно хорош!
Итак, скорее в парк —
на празднество
В честь Аполлона, бога роц.

2
Я с детства помню осень в городе:
Парк превращался в райский сад,
И в нем волшебной пахли желуди
Сквозь бесконечный листопад.

Казалось, полчища несметные
Обрушивались в перегной,
И лишь немногие бессмертные
Вдруг обретали мир иной.
Кружась, валились листья желтые
В беспамятство, где жизни нет,
А эти маленькие желуди
Бессмертными казались мне.
А по дорожкам по асфальтовым
Под вечер дождик колесил,
Проходим сам себя просватывал
Под осторожный клавесин.

3
Всегда дородные и статные
Кумиры позлащенных роц,
Зимой теряют в парке статуи
Свою божественную мощь.
Как будто голых обывателей,
Их выставляют на расстрел.
Амура сразу убивать или
Сначала должен быть растлен?
Обратной стороной величия
Античный повернулся храм,

И требование приличия
Набрасывает снег на срам.
А рядом, сохраняя выдержку,
В каракулевых шапках крон
Застыли сосны здесь навтыжку.
И клены с четырех сторон.

4
Зимой присутствовал при казни я,
Но был весной вознагражден:
Нет в мире ничего прекраснее
Листвы, осыпанной дождем,
Аллеями, еще безлюдными,
Спешить забраться дальше,
вглубь,
И там бродить двоим
возлюбленным,
Касаясь мимолетно губ,
И чтобы парк светлей,
чем детская,
От птичьих голосов пылал,
И чтобы музыка чудесная
Из памяти моей плыла.

2007

Урок ДЕТСТВА

Автор рассказа «Урок детства» Татьяна Кирияка родом из приморской глубинки, филолог по образованию, в настоящее время живёт в Москве. Этот рассказ посвящен светлой памяти её родителей – Любови Артемьевны и Григория Михайловича.

Все мы родом из детства. И чем старше мы становимся, тем чаще вспоминаем это далёкое и в то же время очень близкое и, увы, уже невозвратно ушедшее время. У каждого оно своё: у кого-то счастливое, у кого-то не очень. Но сердцем, душой мы привязаны к детству навечно. Это тот неуиссякаемый родник со святой водой, капля из которого очищает душу и наполняет её любовью, теплом, светом и бесконечной тоской. Давно уже нет на этом свете ни мамы, ни отца, а в нашем сердце, памяти живут их образы, звучат голоса и помнятся все уроки, которые они дали нам в детстве.

После снежной зимы ранняя весна обрушилась тёплыми днями. Солнечные лучи, изголодавшись, жадно облизывали набухший снег. Мокрые язычки пугливо выглядывали из-под сугробов, к вечеру застывали корявыми лужицами. Зима хотела на покой, она покорно подставляла то один, то другой бок осмелевшим лучам, охотно уступала место молодой силе. Не чувствуя поддержки, снег раскис, раскрошился, холодные ручейки смело вползали в ложбинки, сливались, набирая силу, и, застревая в канавах, спешили спрятаться в холодную тень овражков, чтобы вместе найти дорогу к дремотно спящей таёжной речке.

Деревянный дом разомлел, от завалинок шёл пар, оголяя чёрную землю рядом с утоптанной за зиму ледяной тропинкой.

Смелый напор весны застал всех врасплох.

Сначала робко, растерянно воробьи сидели на ветках черёмухи у забора, молча озирались, будто не решались встряхнуть тишину. Чистый голосок синицы коротко прорезал воздух, воробьи встрепенулись, задергали хвостиками, засуетились, слетелись к сверкающей луже, ссорясь и веселясь, растопырив мокрые крылышки, наскоками торопили свою стайку умыться и почиститься, снова шумно разместились на приветливой черёмухе, наперебой сообщая друг другу новость, что весна уже здесь.

Танюшка молча радовалась приходу весны. Рано выставили рамы.

Перед морозами между рамами прокладывали вату, накрывали её газетами, будто пеленали, а сверху мать просила детей поставить резиновые игрушки, всё это запирали до весны другой рамой. За зиму газета желтела, игрушки выгорали. А весной дети с трепетом брали их в руки, не узнавая примелькавшихся за зиму, будто полученных по почте, тёпленьких зайчиков, тигрят, клоунов.

У завалинки начала просыхать чёрная полоска земли, девочки спешили её утоптать, чертили «классики»

и скакали весь день, радуясь первой игре, спешили почувствовать легкость, свободу.

Даже мальчишки сбивались стайками, сначала смотрели на девчонок, потихоньку азарт разбирал и, уже не считая игру девчоночьей, в одних рубашках прыгали по квадратикам, добавляя к игре свои правила.

За домом простиралось огороженное поле. Оно принадлежало нескольким семьям, но отделялись наделы внутри поля протоптанными межами. Если прищурить глаза, то покрытое сверкающим пологом поле кажется снежной пустыней, безжизненной, таинственной, далёкой. А сейчас оно было похоже на черно-белую шкуру исполинского снежного барса.

Но больше всего Танюшка любила смотреть в небо, не задрав голову, а без опаски плашмя упав спиной на снежную перину. Раскидывала в стороны руки и до рези в глазах смотрела в эту морозную бездонную пропасть, чувствуя её бесконечность, равнодушный покой, скрытую тайну далёкого мира.

Весна так спешила, что всё живое, боясь отстать, забыв про очерёдность, творило чудеса. Солнечной щедрости хватало всем. Только распустились жёлтые комочки вербы, черёмуха уже приготовилась вязать ароматное молочное кружево. На бугорках зазеленела выпущенная на волю трава. Лесок за огородом приветливо покачивал оранжевыми веточками.

Танюшка не поленилась, вдоль забора прошла к обласканным светом деревьям и с удивлением отметила, что это набухшие почки издали окрашивают веточки в буро-оранжевый цвет. У забора невидимые издали смешались яркие краски первоцвета, мать-и-мачехи. Их окружали затаившиеся лужицы зимней воды, стыдливо прикрытые голубыми лоскутками, подаренными тёплым небом.

За забором деревья стояли в талой воде, зеленеющей, стылой, но такой манящей. Если бы не дырка в резиновом сапоге, Танюшка отодвинула бы отошедшую от жерди штакетину, ступила в ледяную воду, омыла бы

в ней налипшую жирную землю, ощущая стылый озноб по всему телу от онемевших мгновенно ладоней. На сапоги налипла не грязь – грязь была на дороге, а на поле лежала подтаявшая земля. Она приятно пахла прелой травой, дурманила особым запахом, обострённо ощущаемым ранней весной, знакомым давно, не разложимым на отдельные запахи; вот тогда-то земля удивительно похожа на чёрный бархат, спрыснутый водой.

Скороспелая весна уже начала заглядываться на небо: не торопится ли её сменить лето?

Нет, лето не торопилось и давало в полную мощь разгуляться красоте созревшей весны. Ещё не завяли колокольчики подснежников в пестрой вазочке, а из гранёного стаканчика на этажерке, теснясь, ландыши дышали сладковатым запахом, так любимым матерью. Обычно дети собирали букетик цветов в начале мая, на мамин день рождения, но сейчас его собрали для красоты, и каждый, даже отец, заходя в комнату, подходил к колокольчикам, осторожно вдыхая упоительный аромат.

Весенняя пахота в деревне – праздник для всех. Не потому, что делать нечего, как раз наоборот, начинались бесконечные заботы.

Ближе к дому землю вскопали и засеяли огородной мелочью. Дружно взошли редиска, укроп, твердые палочки зелёного лука.

Самое главное – посадить картофель! Им засаживали почти весь огород, потому что картошка кормила большие семьи, которых было большинство на селе. Известно, что главные едоки в доме – орава мальчишек: набегают, наработаются – и за стол, всё идёт в ход, всё подметают прожорливые рты, но картошка даёт силу, сытость, глядишь, до нового урожая еле хватает. Если семья держит хозяйство – снова картошка: не откажутся от такого лакомства ни корова, ни хрюшка, ни куры. Но если хозяйка видит, что урожай уродился, излишек везут в город на базар, а на вырученные деньги покупают обувь, которая так и «горит» на непоседах, форму к школе, старшим пальто, которое будут донашивать младшие. Уже выгоревшее, изношенное до дыр, мать вздохнув, отнесёт в погреб, чтобы прикрыть горку кочанов капусты, которые ненароком могут промёрзнуть зимой.

У дома уже стояла рыжая лошадка, запряжённая в длинные оглобли, к которым мастерски приделан сверкающий на солнце плужок.

Очерёдность определялась жребием, потому что лошадь была одна на всех. Отец торопливо открывал ворота, пропуская долгожданного помощника. Тот, слегка кивнув хозяину, зычно прикрикивал на лошадь, которая и без этого окрика хорошо знала свои обязанности. Подрулив к краю поля, опускали плуг, и земля обнажала чёрный пласт, и, приподнимаясь, рассыпалась в свежей полосе. Круги нарезались не по кругу, а восьмеркой, чтобы не притоптать вспаханное поле.

Приготовленная семенная картошка с розовыми глазками так и просилась в землю.

Земля была плодородной, но обильно перемешана с камнями, прибывающими из недр. По краю огорода каждый год по весне вырастали курганчики из кам-

ней, после пахоты круглые голыши сносили с поля тяжёлыми вёдрами и ссыпали горкой.

Посадить картошку спешили до вечера, чтобы земля не пересохла на солнце, сохранила нужную для всходов влажность.

Вываливались на поле всей семьёй: одни сносили камни, другие набивали лунки, третьи осторожно кидали в них картошку и засыпали сверху землёй. Даже малыши сустились рядом, не мешались под ногами, а делали посильную работу.

Поздним вечером, перепачканные, снимали рабочую одежду для стирки, наскоро обмывались и расходились по спальным местам, чувствуя тяжёлую усталость в спине, руках, непривычно натруженных впервые после зимы.

На широком подоконнике поднялась крепкая рассада помидоров. Резные листочки выглядывали за края деревянных ящичков. Хотелось прикоснуться к мохнатым стволикам, погладить глянец сверкающую выпуклость листьев, но Танюшка понимала, что мать ходила за растеньицами, как за детьми малыми, поэтому трогать нельзя.

В огороде всё было засажено, только широкие дорожки между грядками были плотно утопаны. Оставался свободным небольшой клочок земли, оставленный под помидоры. Сегодня решено высаживать рассаду. Отец взялся за ручки самодельной тележки и покатил её к сараю, где с прошлого лета дождалась кучка навоза, поднятая пирамидой.

Танюшка крутилась около матери, помогая выбирать из земли круглые камешки. Подняла голову – отец молча машет ей от калитки, приглашая следовать за собой. Танюшка подошла, удивлённо взглянула на отца. Он взял её ладошку в свою, осторожно ступая, будто боясь кого-то разбудить, довёл её до оставленной тележки. Молча посмотрел ребёнку в глаза, перевёл взгляд на пирамиду.

Танюшка не поверила своим глазам!

Вплотную друг к другу на прогретой солнцем стороне сидели махаоны.

Только природа могла сотворить такую красоту!

– Поймать одного? – заговорщически прошептал отец.

Ещё оставаясь в восхищённом оцепенении, Танюшка тихо прошептала:

– Пусть летают!

Ещё постояли, следя за карнавальным танцем бабочек.

– Такие красивые, почему их потянуло на кучу навоза?

– Это не навоз. Это перегной, ты подойди и понюхай, чувствуешь, пахнет молочком? Человек не должен брезгливо относиться к земле, она любит тех, кто её любит, ухаживает за ней, тому она откроет свои тайны, которых у неё хватит на всех добрых людей.

– А тебе она открыла тайну?

– Да, я тебе позже о ней расскажу, а теперь нас мама жаждалась.

Танюшка знала, что отца не надо торопить, если он обещал – обязательно расскажет, не забудет.

Мать бережно доставала крепкие ростки из ящика, Танюшка из бачка подливала под корешок тёплую водичку. Солидно выстраивались ровные рядки. От них шёл терпкий запах, напоминающий запах созревающих плодов.

– Это «бычье сердце». Помнишь, какие они уродились в прошлом году? – улыбаясь, спрашивала мать.

Как не помнить! Вишнево-сиреневый помидор не уместился в двух Танюшкиных ладонях. Мать обтёрла его о передник, разломила. Неровные половинки открыли розовую мякоть, будто покрытую инеем. Она таяла во рту, сладковатая, сочная, но сок не стекал по рукам.

Урожай был такой, что каждый вечер уносили домой с грядки полный бачок красавцев разной формы и окраски.

...Лето буйствовало. Всё будто ошалело от такого буйства. Днём жарило, но всё утопало в тени, лёгкая прохлада нежила оголённые тела. Каждую ночь проходили тёплые неслышные дожди. Танюшка сначала удивлялась, видя промытые дощатые дорожки во дворе. Каждый цветочек, травинка были напоены заботливым дождём, благодарно тянулись ввысь, наливаясь соком.

В огороде ботва доходила Танюшке до плеч; ища свободы, захватывала пространство между грядками, мешала проходить.

В саду всё цвело одновременно, шапками распускались цветы, осыпались белыми хлопьями. От завязавшихся плодов уже сейчас ветви почти доставали до земли, а ведь ещё середина лета.

Отец не забыл об обещании. Он подвёл Танюшку к улью на своей пасеке, которая уместилась на маленькой полянке за летней кухней. Вот это да! Оказывается, ульи стояли на земляничной полянке. Раньше её никто не замечал, потому что на солнцепёке трава быстро выгорала, ссыхалась – пойдя разберись, что растёт. А теперь листочки округлились, прикрывая мелкие бусинки ягод, ароматных и сочных. Но это была не «главная тайна».

Танюшка узнала, как пчёлы «разговаривают». Какую чудесную тайну природа рассказала отцу! С мелкой сеткой на голове, которая доходила Танюшке почти до колен, она заглядывала в улей со снятой крышкой, а отец пересказывал, о чём сейчас беседуют эти занятые делом маленькие хлопотуньи.

Танюшку тянуло на грядку, где россыпью росли гигантские подсолнухи. Они были похожи на великанов: под каждым листом можно укрыться полностью – никто не найдёт. Огромная жёлтая тарелка клонилась к земле, сгибая жилистый ствол толщиной с Танюшкину руку.

Картофельная ботва покрылась цветочной скатертью из огромных бутончиков.

Ни у соседей, ни дома никто не восхищался щедростью лета, даже дети понимали, что в этом что-то запретное.

День начался с того, что Танюшка срезала по просьбе матери красивый букет в палисаднике, занесла его в дом, соображая, во что бы его поставить.

Вдруг утреннее солнце выключили, будто лампочку ночью. Танюшка остановилась с букетом посреди ком-

наты, не понимая, что произошло. Вышла на крыльцо. Только что прозрачный воздух посерел.

Крыша летней пристройки закрывала часть неба. Танюшка осторожно обошла её и взглянула на небо. Тяжёлое чернильное пятно расплылось по скатерти неба, синева скукожилась, стремительно убегая, спешила забиться в щель горизонта. Чёрным фронтом надвигалась тьма, гоня впереди холод. Крупные мурашки зацепили тело, вцепились в голые ноги, руки.

Где мать? Отец со старшими детьми спозаранку ушёл на покос, об этом Танюшка слышала вчера вечером.

Вдруг ударили по крыше крупные градины. Танюшка стремглав кинулась в дом, выглянула в окно. Маревое разлилось, ещё больше сгущая мрак. С остервенением ледяной дождь обрушился с неба, разгружая безжалостную бездну, открытую наверху. С оглушительным звоном крупные бусы вонзались в подоконник, отскакивали, осыпались на землю. Очертания забора, деревьев растворили ледяная завеса, даже казалось, что в этой круговерти мечется какая-то фигура.

Во всём доме стоял гул от ударов по крыше, отчего она стонала и выла от боли. Вдруг всё стихло, окружив оглушительной тишиной.

Танюшка всунула ноги в материны сапоги, стоявшие в коридоре, стянула с вешалки старую кофту.

Дверь на крыльцо не открывалась. Поднатужившись, Танюшка сдвинула её с места. На крыльце, сцепившись, толстым слоем лежали градины, не собиравшиеся таять. Весь двор тоже был покрыт бугристым пластом ледышек.

– Где мама? – пульсировало в мозгу.

Скользя большими сапогами, она направилась в огород.

Что это? Перед ней было мёртвое поле, изрытое, чужое. Только рваный ствол подсолнуха, похожий на сломанный черенок лопаты, скорбно доказывал, что это не сон.

Небо вдруг вспыхнуло такой радостной синевой, что ударило по глазам.

Посреди поля стояла мать. Холщовая куртка была мокрой, подол облепил ноги. Танюшка осторожно шла к матери, ступая в колдобины, холодеющие белёсо. Остановилась, боясь увидеть глаза матери.

Мать почувствовала её приближение, повернула спокойное лицо и тихо сказала:

– Здесь холодно, иди в дом, я сейчас приду.

Танюшка медленно побрела к дому, обернулась. Мать стояла, опустив голову, будто о чём-то задумалась.

Где-то Танюшка это уже видела. Да в кино про войну! Там также стояла женщина, похожая на мать, посреди поля, перерытого снарядами.

Мать вошла в дом, сменила мокрую одежду, подошла к растерявшейся девочке.

– Всё будет хорошо, – спокойно прозвучал родной голос.

Мать взяла дочку на колени, легонько притянула к груди и погладила беленькую головку. Танюшка была ещё мала, чтобы понять: в её жизни усвоен первый урок – урок мужества.

ОТЪЕЗД

Сергей НАЗАРЕНКО,
г. Арсеньев,
Приморский край

/Отрывок из новеллы «Великолепная Италия»/

Дождавшись очередного отпуска, мы с женой отважились на второе большое для нас, дальневосточников, путешествие по Европе. В прошлом году примерно в это же время мы посетили Францию и сопредельные страны. На этот раз выбрали тур «Вся Италия + Австрия», хотя нам предстояло побывать и в Германии, и даже в Польше – не только проездом.

В субботу, 27 сентября, авиалайнер компании «Влад-Авиа» TU-204-300 взял курс из Владивостока на Москву.

Полёт занял 9 часов 35 минут. Любопытно, что обратный путь из Москвы до Владивостока составил 8 часов 40 минут. Это связано с тем, что на Дальний Восток лайнер летит в одном направлении с вращением земли, что и даёт самолёту дополнительную скорость.

В Москве нас встретил представитель туристической компании ООО «Туртранс-Вояж». На машине трансферта мы пересекли всю Москву, с юга от аэропорта Внуково до комплекса гостиниц «Алтай» на севере столицы.

Москва поразила своей масштабностью и ухоженностью, хотя после Парижа, казалось, уже ничто не может удивить.

Переночевали в скромной столичной гостинице. Утром на метро приехали в центр мегаполиса. Всю первую половину дня бродили по улицам Москвы, впитывая ауру гигантского города, который вобрал в себя несметные финансовые ресурсы. Любовались современными зданиями многочисленных офисов. Невольно возникла мысль: «Блеск столицы – и нищета провинциальной России».

К пятнадцати часам подъехали к Белорусскому вокзалу. Постепенно перрон наполнялся туристами. Наша группа собралась у пятого вагона, как и было предписано в путёвке. Собравшиеся поглядывали друг на друга оценивающе. Вскоре к нам подошла женщина лет сорока пяти со светлыми волосами и с тёплым взглядом ярких, голубых глаз. В руках она держала пакет с загранпаспортами и другими документами.

– Здравствуйте! Я ваш гид, или сопровождающая, если хотите. Зовут меня Маргарита Николаевна. Но для удобства в обращении зовите меня просто Маргарита. Вопросы?

– А сколько человек в нашей группе? – спросила женщина с короткой стрижкой. Как потом выяснилось, её звали Людмилой.

– Туристов у нас сорок три. Со мной – сорок четыре. Плюс два водителя.

– Как много, – шепнула мне жена.

– Да, это не очень хорошо, Валя, – ответил я. – Большой коллектив плохо управляется.

– Господа, наша группа поедет в разных вагонах. Кто в купейном, а кто в плацкартном. По прибытии поезда в Брест собираемся у автобуса. Запишите номер: 77939. Причём в Бресте будут группы и по другим маршрутам. Кто быстрее сядет в автобус, тот первым будет проходить белорусско-польскую границу. Как правило, это занимает минут сорок...

– Номер автобуса легко запомнить, – сказал я жене, – последние три цифры – это начало второй мировой войны.

– ...А сейчас я раздам вам билеты, – закончила Маргарита.

В купе мы оказались с супружеской четой одного возраста с нами.

– Давайте знакомиться, – проговорил мужчина высокого роста, с холёным лицом и с заметной лысиной в обрамлении редких седых волосков. В нагрудном кармане его костюма я заметил большую расческу. – Меня зовут Юра, жену – Люба.

– Очень приятно, – ответил я, – меня зовут Александр, жену – Валентина.

Наши соседи оказались из Тюмени. Когда мы сообщили, что живём в Приморском крае, их удивлению не было предела. Как будто они увидели инопланетян. Такая реакция почти у всех россиян, проживающих в европейской части России, когда они узнают, что люди приехали с Дальнего Востока.

– Не удивляйтесь, – заметил я, – да, мы с другого конца света. Восточнее нас только Сахалин и Камчатка. К сожалению, с Дальнего Востока в Европу мало кто путешествует. Дорого. Но у нас под боком Китай, Корея, Япония. Вот туда и проторили дорогу наши путешественники, особенно в Поднебесную.

– Я приветствую людей, которые вкладывают сбережения в путешествия, – сказала Люба. – На Западе это давно уже поняли.

– Нам бы их пенсию или зарплату, наши люди тоже дома не сидели бы, – улыбнулась жена.

Поезд наконец тронулся, медленно набирая скорость. Вскоре за окном показались новые московские небоскрёбы из стекла и стали. Точно такие же мы видели в Париже.

– Низкие зарплаты так называемых бюджетников не позволяют путешествовать, – поддержал я жену.

– Дело не в этом, – сказал Юрий, доставая 0,375-литровую бутылочку коньяка, дорожные стаканы и большой кусок колбасы. – Давайте сначала отметим наше знакомство. Так вот, главное – это настрой человека, его ценностные ориентации или, если хотите, приоритеты.

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск

О ПЕСНЯХ И ЛЮБВИ

Любовь с хорошей песней схожа.
С. Щипачёв

Жена достала из сумки почти такие же стаканы, что и у соседней, и варёную курицу, купленную накануне отъезда. Юрий налил коньяк в стаканы.

– Вот мы с женой этим путешествием в Италию «прокатываем» сумму, на которую можно купить подержанную, но ещё крепкую иномарку, – сказал я.

– Жалеете? – спросила Люба.

– Нет.

– Правильно. Опять же скажу про Запад. Несмотря на то, что они привыкли экономить каждый цент, деньги откладывают в первую очередь на путешествия, а дома, машины – это уже второстепенное.

– И всё-таки нашим людям до путешествий ещё далеко, – сказала жена, – но я согласна с Юрой: главное в этом вопросе – желание. А деньги можно собрать и при небольшом достатке.

В это время в купе постучали. Я открыл дверь. И мы увидели Маргариту.

– Входите, входите, – пригласили мы её.

– Я пришла познакомиться с вами поближе и отдать вам загранпаспорта, – сообщила сопровождающая. – Юрий Иванович, вот ваш паспорт, Любовь Петровна – ваш.

Затем она вернула наши документы.

– Так кто уже где побывал? – спросила Маргарита.

– Мы, наверное, восьмой раз едем в Европу. Где только не были! – воскликнула Люба.

– А мы в Европу выбрались только во второй раз. В прошлом году были во Франции, – в свою очередь сообщила жена.

Маргарита посидела ещё несколько минут и направилась в следующее купе.

– Так на чём мы остановились? – Юрий плеснул в стаканы очередную порцию коньяка.

– На путешествиях, – улыбнулась жена, – вот взять наших местных бизнесменов, а их у нас несколько тысяч, – деньги у них есть. А всё равно в путешествие по Европе не едут.

– У них другая причина: им нужен полноценный отдых, а не утомительные пешие прогулки по римским развалинам.

– А вы кем работаете? – спросил я Любу.

– Я врач-гинеколог. Работаю в частной клинике. Зарабатываю неплохо. А Юра – представитель солидной строительной компании. А вы?

– А мы простые врачи-терапевты. Получаем, конечно, меньше вас, но на путешествие хватило.

– Значит, коллеги, – заметила Люба, – но об этом никто не должен знать. Мы едем отдыхать, а не работать.

– Надеемся, наша помощь никому не понадобится, – заметила жена, – ну а если понадобится, никуда мы не денемся, выполним клятву Гиппократова.

Юра разлил по стаканам остатки коньяка. Мы выпили, поговорили о прошлых путешествиях и спустя полчаса стали укладываться спать. И вскоре под стук колёс задремали.

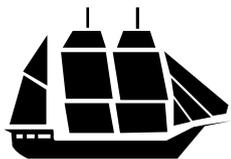
Из чего состоит песня? Из стихов и музыки. Для хорошей песни необходимы хорошие стихи и хорошая музыка. Но бывает и так, что по отдельности они вроде бы и хороши, а песня не складывается, как не всегда складывается любовь у хороших по отдельности мужчины и женщины. Вообще, между песней и любовью аналогия полная. Как мужчина тянется к женщине, так и стихи тянутся к мелодии. Такова их природа. Но мало кому удаётся найти свою вторую половину, композиторов-то гораздо меньше, чем поэтов. Вы заметили, как большинство поэтов читают свои стихи? Читают *нараспев*. И, когда говорят, мол, не нужна музыка моим стихам, мол песенные тексты это не стихи, а мои стихи выше этого, лукавство слышится в этих словах. И тоска. Так многие холостые, свободные мужчины с показным пренебрежением относятся к женатым. Но, если мужчина женился, из этого ещё не следует, что он никчёмный человек...

Как песня – нечто большее, чем сумма стихов и музыки, так и семья – это не только супруги. Как распределяются роли в песне-любви? Женщина – это, безусловно, музыка, а мужчина – слова. Бывает, что хорошая песня получается при соединении хороших, проникновенных стихов и простенькой мелодии. Бывает, что, наоборот, вроде бы, незамысловатые стишки хорошо ложатся на вдохновенную музыку, и уже не хочется их анализировать. Жизнь неисчерпаема.

Но ничего нельзя поправить, если в словах или музыке нет души. Если они просто не подходят друг другу. Если вроде бы и подходят, но им вместе скучно... Бывает, такие песни распадаются, и отдельная жизнь стихов и музыки складывается более удачно. Бывает всякое. Порой слова одной песни годами тянутся к чужой мелодии, тоскуют по ней. Случается, что после долгих или не очень долгих лет совместной песни мелодия уходит к другим стихам или наоборот...

Есть такая игра, скорее, дурь, когда, смеха ради, в подвыпившей компании поются стихи на чужую музыку. Или, ради денег, на эстраде. С одной стороны, это весело. Но порой возникает чувство горечи. На наших глазах происходит насилие.

И Крузенштерн, и Римский-Корсаков...

конкурс

Пётр ПУЗИН,
заместитель начальника СВФ
МГУ имени адмирала Г. И. Невельского

Первая его встреча с морем произошла в далеком 1947 году. Сергея Спасского и еще шестерых школьников из Тулы направили в пионерский лагерь «Артек». Это было наградой юным актёрам самодеятельного кукольного театра, которые сами мастерили куклы и зимой по льду ездили на санках по детдомам и интернатам, ставили спектакли для ребятишек.

С тех пор Сергей Спасский часто вспоминал море, мечтал о нём. И в 1951-м, окончив с серебряной медалью школу, без экзаменов поступил на штурманский факультет ВВМУ имени М. Фрунзе. Учился с желанием, был сталинским стипендиатом.

И вот наконец долгожданная первая практика. Проходил её курсант Спасский на линкоре «Октябрьская революция» (бывший «Гангут»). Постройки 1907 года, он в 1952-м ходил со скоростью 28 узлов!

Последующие его практики были в основном на УК «Комсомолец» – участнике Цусимского сражения. Будущий штурман побывал на Балтике, Северном и Баренцевом морях, в Атлантическом и Северном Ледовитом океанах, на Новой Земле. Желание учиться и стать профессионалом в избранной специальности ещё более окрепло. Старался изо всех сил, и, как результат, – красный диплом об окончании высшего военного училища и золотая медаль. А ещё – направление служить на Тихоокеанском флоте.

Сергей Спасский – молодой офицер.

Выпускной 1953-й год. С женой Антониной (справа).

В плацкартном вагоне с одним чемоданчиком приехал Сергей с молодой женой Антониной в незнакомый и далёкий Владивосток. Сняли угол, обустроились. А через год эсминец «Верный», где служил Сергей, перебазировался в Советскую Гавань, и началась служба, как говорит Спасский, «на краю света». А продолжил службу на крейсере «Адмирал Лазарев» – корабле, на котором он во время учебы практиковался в Балтийском море.

Те годы Сергей Серафимович вспоминает особо. Он служил вторым штурманом, а первыми были Николай Михайлович Груздев и Александр Николаевич Сахаров, прекрасные люди, с которыми судьба его сводила много позже и на службе в ТОВВМУ, и на работе в ДВВИМУ.

Молодой штурман постоянно и целеустремленно

занимался пополнением профессиональных знаний. В 1958 – 1959 гг. он был направлен на учебу в высшие офицерские классы, которые окончил опять же с красным дипломом.

Шесть лет Сергей Спасский затем прослужил на эсминце «Видный», откуда его пригласили преподавать в ТОВВМУ им. С. О. Макарова. Здесь он прошёл путь от капитан-лейтенанта до капитана 1 ранга, старшего преподавателя кафедры кораблевождения. 24 года он обучал курсантов нелегкой специальности, вырастил немало достойных учеников.

Каждый год летом курсанты выходили на практику на кораблях Тихоокеанского флота. Сергей Серафимович вспоминает большой поход в 1973 – 1974 годах на о. Маврикий. Тогда они со всеми положенными по такому случаю ритуалами посетили Республику Сомали, порты Бербера и Аден.

Вся служба Сергея Спасского в ТОВВМУ была сосредоточена на качественном обучении курсантов. Училище выпускало достойных офицеров-профессионалов. Многие из них достигли высокого служебного положения, как, например, Михаил Абрамов, ныне начальник Главного штаба ВМФ.

В 1989 году служба капитана 1 ранга Сергея Серафимовича Спасского закончилась, но педагогическая деятельность продолжилась. Он пришёл работать в ДВВИМУ – ныне МГУ имени Г. И. Невельского – ассистентом, преподавателем, и. о. доцента, где трудится и сегодня, передавая свои знания и богатейший опыт молодёжи.

2005-й год был урожайным для Сергея Серафимовича и его семьи: золотая свадьба, 50 лет работы в МГУ имени Г. И. Невельского...

И в завершение – такой факт. В 1983 году, будучи откомандированным в ВВМУ им. Фрунзе для участия в государственной аттестационной комиссии по выпуску курсантов, Спасский увидел свою фамилию на мраморной доске недалеко от фамилий Крузенштерна, лицеиста Матюшкина (друга А. С. Пушкина), композитора Римского-Корсакова. Все они учились в разные времена в Морском корпусе. Так что курсанты – и бывшие и нынешние – могут гордиться тем, что обучает их такой замечательный профессионал, известный человек Сергей Серафимович Спасский!

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

Сумрак КАЖЕТСЯ СВЕТЛЕЙ

Покрова

Ни тоски, ни печали осенней.
С клёна листья резные
летят.
У берёз длинноногих колени
От холодного ветра дрожат.

С косогора лохматые ели
Машут лапами поезду вслед.
Гуси – лебеди все улетели.
Ни тоски, да и радости нет.

Кто-то знает секреты
растений,
Кто-то ведаёт тайны
зверей.

Ни тоски, ни печали осенней.
Только дышится всё тяжелей.

Видно, сроки уже недалече,
К Покровам подойдём
не спеша.

Что ж ты бьешься
в груди человечей
Окаянное чудо, душа?

Сон

Смеялись маски и грустили,
В чужую жизнь
открылась дверь.
Свой бег часы остановили,
О чём-то плакала свирель.

В шандалах оплывали свечи,
В бокале пенилось вино,
И пел гусар:
«Любовь не вечна»,
И барабанил дождь в окно.

Мотив измученный
и старый.
Себя предав, его предав,
Смеялась пьяная гитара
И вдруг... споткнулась,
зарыдав.

Метаморфоза

Знаю, всё опровергнете,
Я и сам ничего не пойму –
При чём здесь открытие
Америки,
Если Герасим топил Муму?

Октябрь

Внезапно, как случается,
Отчасти, невпопад,
Ударит, как отчаянье,
По окнам снегопад.

Ещё октябрь ветреный
Над городом кружит,
Но кто-то неприветливый
Снегами ворожит.

И как напоминание,
Как вести о былом,
Зимы седой дыхание
Шагнуло напролом.

Ещё оторопелая
Не сброшена листва,
Но от сиянья белого
Кружится голова.

Субботный вечер

Сумрак кажется светлей,
Снегом прибрано подворье.
Топит баню дед Матвей –
От любой спасает хвори.
Эка вон вчера свело
Лужи по дорогам талым!
Тянет к вечеру в тепло,
Где дымятся щи с наваром.
И в избе, куда ни шло,
Хорошо за самоваром...
Спит усталое село
После бани.
С лёгким паром!

Декабрь

В морозной дымке тонет
город,
И зябнет в сумерках квартал.
Смешно увидеть в этом повод,
Чтоб я стихами грохотал.

Друзья разъехались, и бытом
Пропитан каждый новый день.
Как Пастернак,
до дыр зачитан
Амбулаторный бюллетень.

Провожаая

«НУЛЕВЫЕ»

С легкой руки гораздых на метафору и языковую игру литераторов, годы с 2000-го по 2009-й, причем применительно к нашему отечеству, часто называют «нулевыми». Как уже сказано, называют литераторы. И очень верно, между прочим. Именно для литературной России, очень похоже, обозначенные годы довольно удобно и верно называть именно так. Другое дело, какой смысл здесь скрывается под «нулём» («нолём»)? Просто «ноль» – как точка отсчета, начало вектора и координат? Или – «полный ноль»? Думается, в «десятих» годах будет время хорошо над этим подумать и прийти к достаточным выводам. А пока, если хотите, несколько предварительных и не претендующих почти ни на что рассуждений.

Еще в 1990-е годы русская литература, пусть со скрипом и множеством оговорок, но была той духовной пищей, которую со времен Бояна и Даниила Заточника алкала Русь. Кто не помнит читательское сумасшествие начала 90-х! Достаточно одного такого примера – один мой знакомый хабаровский поэт выписывал 23 (!!!) периодических издания, среди которых – все (!!!) выходящие на тот момент «толстые» журналы, а его сосед, преподаватель физкультуры, – 8. Количества нет без качества, это еще Карл Маркс доказал, и вот можно пару слов и о качестве: литераторам в девяностые еще было достаточно времени, у них была возможность, был такой, по-сегодняшнему говоря, культурный тренд *создавать целые, цельные художественные миры*. Пример, который буквально под рукой, – Виктор Пелевин, по-разному можно относиться к его книгам 1990-х, но они («Жизнь насекомых», «Омон Ра», «Чапаев и Пустота», «Желтая стрела», «Поколение П»), бесспорно, создали целый и цельный художественный мир, в данном случае с игрой в поставленные друг против друга зеркала, тягой к виртуальному, психоделическому, мифическому и такого рода амбивалентному, как женитьба земного копирайтера Татарского на древней языческой богине Иштар. В 1990-х хлопнули дверьми, закрыв ХХ век, многие – Татьяна Толстая (сборник «На златом крыльце сидели»), Юрий Поляков (роман «Козленок в молоке») и многие другие, громче всех – Владимир Маканин, попросившийся со случайным для истории человеком, родившимся и ставшим жить в одну эпоху и не успевшим умереть к резкому наступлению другой («Андеграунд, или Герой *нашего* времени»)...

Что было дальше? В 2000-е?

Хотите, самый страшный вариант ответа? Ни-че-го...

Литература – как там у Иммануила Канта, отнюдь не бессмысленна, напротив, наполнена клубком мерцающих смыслов, но – «целенаправленно бесцельна». Роман не способен и не должен «изменить мир» или кого-то чему-то научить. Роман целенаправлен сам на себя,

ценен сам по себе, это текст, который *достоин быть высказанным*. Между прочим, чуть ли не рядом ним – хороший анекдот в дружеской компании, или сказка детям на ночь, или история подружки нашей жены о ее первом браке, если сея история ин-те-рес-на, если мы слушаем ее с *удовольствием*.

А все «нулевые» годы, не знаю, как кто, а ваш покорный слуга с любопытством наблюдал, как шли жаркие дискуссии о том, «что такое подлинная литература», куда она «должна звать» и, вообще, «куда нам плыть». И в соответствии с тысячьою вариантов ответов на эти вопросы присуждались тысячи российских литературных премий. А с другой стороны «нуля» ломались донкихотовы копья о попсу, о Минаевых-Виктор-Ерофеевых-Робски-Устиновых, да такой восхитительно рекламный цветок воронки вокруг этого гор-дон-кихотова спектакля закрутился и сам в ту же воронку и провалился... И продолжали громко, но уже грустно кричать свои лозунги «почвенники»; громко, потому что иначе не могут, а грустно, потому что не осталось против кого дружить – «западники» исчезли как класс, им из Кремля «рекомендовали».

Но я не припомню ни одного случая, когда кто-то где-то сказал или написал: ребята, а ведь вот этот текст, этот роман, стихотворение, пьеса – сами по себе достойны нашего интереса, сами по себе ценны... И всё. Без доказательств, потому что тайну её целью доказывать не надо, она одновременно и результат и цель... Что самое интересное, я не исключаю, что такие романы, пьесы, стихи были написаны, причем в большом количестве, но – с 2000-го по сей день их не видно! О них не говорят, а значит, они исключены из культуры, значит, их попросту нет!

*Мы водим хоровод и предполагаем,
А Тайна в центре сидит и знает.*

(Роберт Фрост)

Чем больше *заказов* на достойный нашего внимания текст – тем меньше вероятности, что такой текст появится, потому что заказ всегда несет в себе практичес-

кую цель, а литература не имеет практической цели. Литература – это то, что достойно само по себе, именно такое *достойное само по себе* «то» и выбирает культура вообще и каждый из нас в частности. Но, опережая взыскательную культуру семимильными шагами, в «нулевые» впереди всех бежал Заказ. В самых разных своих вариациях, заказах с малой буквы. Прежде всех – заказ на попсу, на масскульт, на то, что нужно не читать, а *потреблять*. И вот уже один из литературных «дядь самых строгих правил», Павел Басинский, плюнул на все свои многолетние критические призывы к «высокой литературе», на все категории плюнул... и написал поповый роман. И Вячеслав Курицын, когда-то гуру интеллектуального андеграунда, едва прикрывшись псевдонимом Андрей Тургенев, издал уже с пяток поповых романов, и Дмитрий Быков, и Слаповский, и несть им числа... Но вот, не знаю, как вы, а я не прочитал в 2000-х ни одного *просто достойного сам по себе* русского романа, и, кажется, начинаю понимать почему.

А потому, что рядом с Путиным на встрече с «лучшими писателями страны» 7 октября в музее Пушкина, в день его рождения (не Пушкина – Путина), сидела не Татьяна Ларина, а Татьяна Устинова. И потому, что *просили* писатели – все: и Распутин, и Поляков, и та же Устинова, и Битов, и Поляков, и Архангельский. Просили как бы кто о чем – о поддержке «толстых» журналов и ПЕН-Центра, издать законы о творческих союзах, разобраться с Международным литфондом, но по сути – просили Заказа. И потому, я начинаю понимать, двухтысячные – «нулевые», что писатель, публицист, профессор Литинститута Олеся Николаева по поводу этой встречи написала в «ЛГ» (2009, № 42): «Я это веду к тому (подчеркнуто мною – О.К.), что России сейчас необходима новая культурная политика, осознанная и целенаправленная стратегия, в которой сфера литературы стала бы приоритетным направлением. Ведь русский человек – это человек «логоцентричный», если угодно, «литературоцентричный». И даже наша национальная идея – идея Преображения: души, реальности, падшего мира – по сути, религиозна и литературна». Что здесь «это» и «куда это ведет» – вот в чем вопрос! Это просьба о Заказе. Не попсы, а «литературы, строящей национальную идею», но какая разница! Всё равно – жажда Заказа! И когда в октябре 2008-го в Хабаровск и Владивосток приезжал «Литературный экспресс» из литераторов-москвичей, Иволгина, Бака, Варламова и проч., они просили нас поддержать их в том же – пробить в Кремле заказ на литературу. А вещи, *достойные сами по себе*, по заказу не делаются. По заказу делается «соцреализм» или, к примеру, масскульт (последний по заказу не столько рынка, сколько власти, но это отдельная тема). А когда заказ

беспардонно вторгается в культуру и тащит за собой всё – издательства, «толстые журналы», ЛитИнтернет, ПЕН-Центры, творческие союзы, кафедры литературы, телеканал «Культура», «Литгазету», литпремии (литрекламу и литPR – само собой), и проч., и проч., и проч., – вещи, *достойные сами по себе*, безмолвны и анонимны.

А в них – всё! Без всякого заказа всё. И идея Преображения души, и действительное ее преобразование, и русская идея, и философия с этикой, и психология с социологией, и черное и белое, Бог и Дьявол (не сочтите за издевательство: при том, что нет там ни первого, ни второго, ни пятого, ни десятого), и просто интересная история и много еще чего, как в «Евгении Онегине» и «Дубровском», в «Мастере...» и в «Собачьем сердце», в «Звездном билете» и «В школе для дураков»... И в сегодняшнем романе «****» автора N, которого пока никто не читал, и в романах X, Y и Z, они безмолвны и анонимны, они «в столе» до тех пор, пока балом правит Заказ.

Отсюда – тот «ноль», что номер два. Отсюда ноль, что точка отсчета.

Уйдет Заказ (хорошо бы в «десятые») – всё станет на свои отдельные места.

Литература, культура, попса, власть, писатели.

И мы с вами – читатели.

«МИРИЛКА»

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

Новогодний рассказ

Утро тридцать первого декабря маленькая белокурая девочка Юля встретила в хорошем настроении. Она с волнением прижимала к груди большого игрушечного деда мороза, с красным объёмным мешком через плечо, набитым подарками для детворы, и крутилась по комнате юлой.

За свои короткие пять лет жизни Юля твёрдо усвоила, что Новый год всегда приходит с Дедом Морозом и подарками. Она в десятый раз повторяла одну и ту же считалку, которой её научила подружка. Сбившись, Юля начинала снова и снова. И вот получилось. Девочка прижалась к папиному плечу и стала звонко декламировать:

– Мирись, мирись, мирись! И больше не дерись. Если будешь драться, я буду кусаться...

Папа что-то печатал на машинке и, казалось, не слышал дочку. Тогда она ткнула пальчиком по клавише, нарушив нормальный ход дела.

– Ну, папа, послушай же меня, – надула губки дочка.

Она не могла понять одного: почему же папе не интересно, ведь он сам пишет стихи.

Папа снял очки, отложил их в сторону и, обняв дочку, спросил:

– Как называется твой стишок?

– «Мирилка!» – без запинки ответила Юля.

– Почему «Мирилка»? – удивился папа.

– А потому, чтобы вы с мамой больше не ссорились.

– А мы и не ссоримся, – возразил папа.

– Нет, мама тебя всё время ругает, что ты никак денег заработать не можешь...

Папа молчал. Ответить было нечего.

Юля почувствовала что-то неладное и защebetала, декламируя стишок. К вечеру она знала его наизусть. Засыпая в тёплой постели, девочка думала только о том, что завтра утром под подушкой будет лежать подарок от Дедушки Мороза. Так и уснула безмятежно, купаясь в радужных детских снах.

Первого января она проснулась рано. Мама готовила завтрак. Папа смотрел телевизор. На Юлю никто не обращал внимания. Она пошарила рукой под подушкой и не обнаружила там подарка. Слезы миглом навернулись на глаза.

– Всем завтракать! – громко приказала мама.

Дочка не шелохнулась. Папа сел за стол и, обжигаясь, стал пить чай, читая при этом газету. Потом родители стали собираться на площадь, чтобы посмотреть на городскую, до небес, ёлку.

– Юльча, вставай, – наклонился над дочкой папа, – поедем к Деду Морозу за твоим подарком.

Девочка встрепенулась, села на кровати, одёрнула пижамку, сплеснула пухленькими ручками и воскликнула:

– Ура! Я уже встаю!

Дочка игриво повисла на папиной шее. Он понёс её умываться. Потом Юле заплели косички, вязали розо-

вые банты, надевали новое платье. Когда процедура сборов закончилась, маленькая семья села в автобус, и он повёз всех на ёлку.

На площади Юля, задыхаясь от волнения, широко раскрытыми глазами рассматривала огромную зелёную ёлку, сверкающую на солнце разноцветными игрушками. Дети катались с ледяных горок. Юля тоже прокатилась несколько раз. Щёки на морозе зарумянились. Папа громко позвал:

– Юльча, пошли в магазин!

Девочка вприпрыжку побежала за родителями, полная надежд на то, что Дед Мороз вот-вот вытащит из мешка столь долгожданный подарок.

Родители медленно бродили по магазину и что-то упорно выискивали. Юля утомилась от бессмысленного хождения по отделам, где висели платья, брюки, пиджаки больших размеров, стояли разномастные огромные сапоги, ботинки, туфли. Дочка то и дело дёргала маму или папу за одежду и похныкивала:

– Хватит вам выбирать, пойдёмте к Деду Морозу...

Родители оставили её просьбу без внимания. Они сделали покупки для себя и стали укладывать их в сумку. У Юли из глаз потекли крупные слёзы. Папа не выдержал. Он обнял девочку и стал успокаивать, что-то приговаривая. Незаметно кивнул маме, и она тихо вышла из магазина. Когда слёзы у Юли высохли, папа взял её за руку и повёл на площадь. Настроение у дочки пропало, и веселье, царившее на горке, уже несколько не радовало. И тут она увидела Деда Мороза с огромным красным мешком за плечом. Он басом спросил:

– Кто здесь девочка Юля?

Юля испугалась, спряталась за папу, готовая снова заплакать. Папа сказал:

– Дедушка Мороз, наша дочка выучила стишок и хочет вам его прочесть.

Дед Мороз улыбнулся в бороду и стал копать в заплечном мешке. Юля смело вышла из-за спины папы и стала наизусть читать «Мирилку».

– Мирись, мирись, мирись! И больше не дерись...

И тут она от волнения забыла слова. Потупила взгляд, слёзы крупными жемчужинками покатались по щеке. Она испугалась того, что Дед рассердится, и тогда не видать ей новогоднего подарка, о котором так долго мечтала. Вмешался папа.

– Вы, пожалуйста, простите её, Дедушка Мороз. Она стишок помнит наизусть, только чуть-чуть стесняется...

Когда девочка вытирала рукавичкой слёзы, мама незаметно отдала Деду Морозу белокурую говорящую куклу, о которой так мечтала дочка. Дед Мороз громко сказал:

– Я знаю, что Юля девочка послушная и умная, а стишок она вспомнит обязательно. Вот ей подарок от меня!..

Девочка схватила куклу и расцеловала её в румяные щёки. А слёзы текли и текли, но это были слёзы бесконечной детской радости!

Пять месяцев из жизни журналиста

«Хорошего журналиста отличает постоянная готовность рисковать».

ДОЙТИ И УМЕРЕТЬ. Здоровья вам, мои дорогие! У меня такое ощущение, что я очень давно не писал вам. Когда-то я понял, почему так неохотно сажусь за письмо: пишу порой целыми днями, печатаю, правлю тексты корреспонденций, потом день-два выходных ничего не делаю – обдумываю дела свои и жизнь, слоняясь по квартире или по городу. Да, думаю, ну и профессия у меня – собственный корреспондент газеты; выхолащивает человека она, если, конечно, он такой дурак, как я. Вот живу, тужу-не тужу, неясно. Словом, всё по-прежнему. В начале лета перенервничал по поводу разлуки с семьей, ожидал сына Санька в гости. Отпуск прошёл, а он появился только в конце июля. Но я смог взять командировку на остров Попова, побыть с ним там недели две и посадить на поезд. Потаскал его по сейнерам, ходил с ним на рыбалку, на добычу водорослей, посмотрел он на открытое море. В общем, сын доволен. А я написал за это время несколько материалов для своей газеты.

Сентябрь и октябрь у меня были чрезвычайно трудные, в том числе и в работе. Навалилась просто масса почти неразрешимых проблем, из которых я, видимо, выберусь не скоро. Они угнетают сильно и не дают настроення на многое. В том числе и на ответы на ваши письма. Думаю, мои родные, о вас, постоянно, обо всех. Думаю о своей семье в Комсомольске-на-Амуре, откуда за эти годы получил всего два письма от сына. Если бы он не приезжал ко мне, можно было бы считать себя одиноким, или вдовцом, или как там ещё. У каждого человека есть вещи, которые он пережил основательно. От сует надо уметь переключаться на положительные эмоции. Надо просто уметь радоваться жизни и увлекаться ею.

Но вы там не очень переживайте, всё у меня как надо. Просто карма такая, какая есть. Надо меняться, но я не слишком хочу этого, вот и тяну эту жизнь.

Я часто мотаюсь по краю – в этом спасение. Неделю назад вернулся из Ольгинского района, полмесяца гоняли с рыбнадзором браконьеров на самом крупном нерестилище кеты в Приморье. Тяжкий труд у инспекции. Холод собачий по ночам, сырость, усталость – а ты бродишь по берегам, крадёшься и выпутываешь рыбин из браконьерских сетей. Зато какие великолепные расцветы и тайга осенняя разноцветная, красота – слов нет! А какие плёсы и перекаты, на которых торпедами рвётся кета вверх по течению в места нерестилищ. Впечатляет здорово! Четыре материала написал за неделю, думал, кончусь. Надо ещё пару материалов сделать, но не хочу брать в руки перо и садиться за стол. Но – сяду. Завтра воскресенье, начну первый. Называться будет «Дойти

и умереть», это о рыбе. Лососёвые ведь после нереста сразу погибают и, перевернувшись, плывут вверх брюхом, уносимые течением реки.

Раньше, помню, в 1986 году, работал в заводской газете на «Амурстали» редактором и выходил в патрульные рейды с милицией, прокурором и рыбнадзором, вот такой бригадой ловили браконьеров в протоках и в разливах устья реки Амур. На месте, как говорится, оперативно принимали необходимые решения. Нередко окруженные патрульными катерами браконьеры отстреливались из стрелкового оружия, в том числе из ручных пулемётов, в первую очередь стреляли в прожекторы. В то время удалось собрать хороший материал на толстую книжку, но запретили публикацию вышестоящие органы Хабаровского края. С бандитами разговор тоже не получился, пришлось менять место жительства.

В понедельник мчусь в Анучинский район на неделю, так как 26-го уже должен быть в Дальнегорске, а 28-го в Кавалерово, приезжают 9 министров на громкое совещание. Должен успеть до встречи с ними отписаться – такая жизнь мне по душе. Посмотрел на календарь, под носом уже конец октября, всё некогда, бегу куда-то, бегу. Надо разобраться, от чего бегу? Не жизнь, а сплошные мозги – думай, думай. Думай. Надеюсь на январь, светится тут одна вещь. Ох как светится – новая работа! Но не знаю, смогу ли я решиться бросить журналистику. Об этом подумую позже и, скорее всего, не смогу бросить её.

Мои и твои друзья с завода «Прогресс» тоже честно зарабатывают свои тысячи рублей в месяц. Если бы эта алчная стая Чубайсов и иже с ними не обирала Россию, то и у нас за ту же работу, которую люди делают на заводе, платили бы гораздо больше и их семьи жили бы намного лучше. А цены у нас тоже приличные для нашей невысокой зарплаты. Я не согласен с такой несвободой. Когда не знаешь, что ответить сотрудникам, ушедшим в отпуск и не получившим даже очередной зарплаты, а не только отпускных денег. Когда администрация города получает зарплату и премии, а редакция – вообще шиш без маргарина. Когда выписываешься из больницы и не покупаешь прописанных таблеток для лечения, потому что нет денег не только на таблетки. И когда весь курс лечения идёт насмарку.

Но всё равно выживем! Точно! Не то наша Родина терпела. Этим, если честно, ещё и живём. Кончится время дьявола, придёт – наше время. Главное, что мы должны освоить и передать своим детям – это мудрость, выдержку и доброту!

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

Моё ОДИНОЧЕСТВО

АПОФЕОЗ

БАШМАЧКИНА

«...стал показываться по ночам
мертвец в виде чиновника,
...сдирающий со всех плеч, не разбирая
чина и звания, всякие шинели...»
Н.В.Гоголь. «Шинель»

Над Петербургом рассвело:
Аврора, – чем-то там –
блистая...
...И – в мантии из горностая –
Башмачкин двинулся в село.

Взор – царственный – из-под руки
на уплывающие доли,
где бабы, подоткнув подола,
бельё полощут у реки.

Кругом – забот сплошной вокзал.
И трактора стоят рядами.
«Отныне общими трудами!» –
Башмачкин, думая, сказал.

Он видит: жизнь совсем не та:
здесь мысль неспешная клубится,
мечтая к берегу прибиться...
А впрочем – та же маета.

Он понял: здесь необходим
особый взгляд.
И – строгий почерк.
(Ведь сам Башмачкин,
между прочим,
пера и дести господин!)

Глубокомысленный народ
застыл, не проглотив аршина:
а вдруг сей деус из машины
и вправду мантией тряхнёт?

И – щурясь: мол, не дурачки! –
бесстыжие глаза упрятав,
вцепились в мантию ребята –
и разодрали на клочки.

Башмачкин плакал от души.
И – «быв отправленным
в столицу» –
спал, не снимая рукавицы:
опушки были хороши.

Люблю одиночество,
это сиротство сквозное!
С тоской перелётною схожее,
плачет, колеблясь от зноя,
мое одиночество –
червь, облучённый истомой,
ревнивую память потерь,
и любви, и заботы – из дому
в сердцах выдворяет:
«Ах, эта любовь неземная!
сорвётся с орбиты,
сердечную крону сминая!»

Заботы-потери...
Вот так и тоскуем – по воле,
по чёрном граче,
прилетавшем на отчее поле;
одни цепенеем,
в себя опрокинуты вживе,
и мимо проносятся дали –
свои и чужие!

Душа живая приютилась кое-как –
и дерево певуче заскрипело.
И, брненное, захолонуло тело.
И воды схлынули.
И осветился мрак.
Тяжёлые, как ледяные глыбы,
всплывали звёзды из глубин,
и рыбы
подрагивали тёплой листвою,
и, как зверушки –
зорки и пугливы, –
свистящим травам
впутывались в гривы.
А я лежал и плакал – сам не свой.

Солнцестоянием выжжены
молочаи.
И у колосьев уже молоко
подсохло.
Мне бы в дорогу собраться
по белому полдню:
крошки смахнуть со стола –
и ни осьмушки в котомку,
ставни слегка притворить,
молча присесть у колодца...

Когда на взлёте лета
лопнет струна дождя –
лёгкая рябь ужаса
пробегают по стеклам
Это начало летнего
землетрясения
Оно приходит из глубины неба
и раскалывается
округлым рыком
сверхзвукового истребителя
В такой дождь
осенью
яблоки хорошо опадают.

Поспи немного, я тебе спою
о том, как месяц полюбил
печаль свою.
Лишь часовые изредка кричали,
что тяжело ему в своей печали.

А ветер приносил издалека
простую весть:
своя печаль – легка.

Ночь.
Тихая, как хижина вдовы.
Тишина прикрыла рукой
опалённые ресницы.
Зачем задергивать занавеску:
месяц умолк.

Откуда взяться ветру:
ты не дышишь.

Хотелось бы пожить подольше
на берегу восточной бухты,
и разбивать одним ударом
незащищённый панцирь краба,
и для единственного друга
смолить ночами плоскодонку.

Золотой шар

хокку

Ольга ПЕТРОВА,
пос. Ольга,
Приморский край

Интерес к культуре Японии у Ольги Петровой с раннего детства. Она победитель телевикторины «Знаешь ли ты Японию?», участник выставки «Вечная молодость кимоно», Фестиваля кукол Хина мацури, поэтического турнира «Ветка сакуры». Автор книги «Лицом к Востоку».

Персика цветы
Расцвели на кимоно –
Вестники весны.

Переливаются
Каплями в радугу хокку –
Звенящий ручей.

Мастер открыл мне
Сегодня тайну красок
Рожденья весны.

Белым журавлём
Над волнами сакуры
Замок простёрся.

В буйстве зелени
Расплескал сок августа
Лилий фейерверк.

Знать, обронила
Золотое перышко
Жар-птица осень...

На глади пруда
Зажглись лотоса огни.
Грация цвета.

К священным струям
Сотни ковшей тянутся.
А вдруг повезёт?

«Скорей бы год прошёл», –
Вслед уходящей весне
Плачет сакура.

Каждый звук дождя
Выпит струнами цитры,
Чтоб родником стать.

Звенящий ручей
В тоске поит влагой сад –
Заблудился дождь.

Скованный зноем,
Замер лес. Лишь в заботах
Трудяга-ручей.

Жалобный стон трав,
Пожелтевших от горя.
Осенний ветер.

На белом снегу
Красных гвоздик сполохи.
В память героям.

Гордо стяхнула
Слива снежную шаль. Зря
Декабрь старался.

Важно кот сидит:
«При чём тут мыши? И так
Еду принесут».

Ветер-разбойник
Алые бусы сорвал –
Ограбил сливу.

Осенний туман...
Ветви деревьев сплелись
В иероглифы.

Замер сад. Ловит
Настроение неба:
Плорьются ли слёзы?..

Парад осени
Небеса принимают.
Солнце довольно.

Умей колдовать –
Подарила бы вечность
Цветам сакуры.

Того и гляди –
Умыкнет с неба луну
Ветер – разбойник.

Небо понурое
Смотрится в воду, цапель
На юг провожая...

Берёзки грустят:
Не радует золото
Осени щедрой.

Брызги космеи
Да золотой шар, видно,
Жив старенький дом.

Синеву неба
Разрезала крыльями
Чайка в полете.

Замерев от зноя,
Усталый пруд спрятался
В тени лотосов.

Диктант осени
Пишут деревья. Красят
Золотом листья.

Бабочкой бьется
Лист в паутине ветвей...
Отстал от своих.

На черных ветвях
Белой тушью снег пишет
Зимнее хайку.

Голос

Галина ЯКУНИНА,
г. Владивосток

ГОЛОС

Я – голос, я – тихий голос
Земли бездольной моей,
Её материнства горесть,
Недетская грусть детей.
Я – боль стариков забытых,
Печаль деревень – пустынь,
Погостов, водою смытых,
Сожжённых дотла святынь.
Я – горечь надежд недолгих
И свет непогасших глаз
Всех, преданных ей и долгу,
Всех – преданных ... и не раз.
В её ветра штормовые
Мой голос навечно влит:
Не я говорю о России –
Она во мне говорит...

НЕЛЮБИМЫЕ ДЕТИ

Нелюбимые дети
Растут, словно в поле выюнки.
Нелюбимые дети –
Они так торопятся вырасти!
В мире взрослом их много –
Там легче тоску свою вынести,
Но самим повзрослеть не дано:
Стебли душ остаются тонки.

Из них вырастают преступники.
И – поэты...

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Он растерян и виноват.
Он не верит ещё, что брошен.
И тоскливый собачий взгляд
Врос в развилку дорог заросших.

Он любого уже готов
И принять, и признать,
Доверясь.
Пред теплом тяжёлых шагов
Распахнуть, словно душу, двери.

Он последнее отдаёт,
А потом, обманут жестоко,
Ждёт, уже не надеясь, ждёт,
пряча слёзы слепнувших окон.

И крыльцо
с перекошенным ртом,
И венцы, что крошатся,
как зубы,
Чуют: дух покидает дом.
Как сердца, разорвались трубы.

Ночь без звёзд, без огней. И тьма
Жуткой нежитью обрастает,
Словно брошенные дома,
Как зверьё, сбиваются в стаи.

В их глазах одичалых – смех
Над любовью рухнувшей.

Вот нам
Месть за брошенных нами всех:
Стариков,
детей
и животных.

Нам, не ведающим о том,
Что едва ль не в момент
зачатья

Нашим детям передаём
Дома преданного проклятье.

Устоят ли под ним? Бог весть.
Возродят ли свой дом?
Бог в помощь!
...Над деревнею звёзд –
не счесть.

Полночь...

* * *

Не страна победила страну –
Мы в войне победили Войну.
Победили такую ценой,
Что не снилась стране ни одной.
Мир спасённый,
Оставь ложь и лесть
И не лезь ты нам в душу, не лезь,
Нашу боль, нашу память
не трожь,
Не пытай – все одно не поймёшь,
Почему пред великой бедой
Мы едины душой и судьбой,
Почему рядом с нами в тот час –
Вся Россия: до нас, после нас,
Вся незримая светлая рать...
**Мы не можем Войне
проиграть.**

* * *

Не перебивайте стариков.
Как легко нам в суете и спешке
Отмахнуться, не тая насмешки,
От негромких,
выстраданных слов.

Не перебивайте стариков.
А уйдут в себя – не торопите:
Тяжко им, распятым,
как Спаситель,
На кресте – распустье двух веков.

Не перебивайте стариков.
Нам, родства не помнящим,
Прозреть бы:
В их глазах,
В свеченье слов последних –
Боль ушедших в землю родников.

Не перебивайте стариков...

ТАНЕЦ КИТА

М. Гутману

По людским представленьям –
Странный,
Заплутавший метеорит –
Рвётся в небо из океана
Одинокий безумец кит.

Зачарованно наблюдая,
Праздный зритель и не поймёт,
Что не блажь,
А косячок стая
Двигет смертный его полёт.

И в тумане кровавом меркнет
Даже вечное «се ля ви»:
Ослепительный танец смерти
Так похож на танец
Любви...

Всем поэтам от Бога рано
Дар предъявит жестокий счёт:
Чем страшнее и глубже рана –
Тем прекрасней и выше
Взлёт.

Звучала тишина...

Разговор с сердцем

Веду я с сердцем тайный разговор:
«Ответь, мой друг,
ну как твои делишки?
Быть может,
наша чувственность в излишке?
И впрок ли
валерьяновый раствор?
Ещё ты сколько выдержишь
разлук?
Хочу сейчас с тобой
договориться.
Всё чаще в рамках
улыбаются мне лица,
И те мгновенья оживают вдруг...
Ещё ты сколько выдержишь ночей
Таких, что холодят тебя
тревожно,
И сколько планов выдумать мне
можно,
И сколько сжечь за здоровье свечей?
Неразделима между нами нить.
Мне без тебя не высказать
ни слова,
Ни умного, ни самого простого,
И ни одной слезы не проронить...
Забуду я – но всё припомнишь ты.
Позволь мне знать –
спешить ли в этот вечер
И назначать ли
завтрашние встречи,
И отпускать ли
в странствия мечты?..»

Саше

Мы ждали встречи
у истоков лета.
Тебе везла я искренние строки –
Но будто кто-то
перепутал сроки –
Ты не узнаешь никогда про это...
Не суждено узнать тебе о том,
Как днём последним
уходило солнце,
Лучом касаясь твоего оконца,
Задерживаясь в дворике пустом,
Как было грустно на закате мая
Июня ждать, в котором нет тебя,
В котором лист зелёный тербя,
Сад хорошел, беды не понимая.

Поленья ждали песен у костра,
И пёс мне лапу подавал любезно.
Я всё искала, знаю, бесполезно,
Твои черты в молчании двора...
Всё та же тень берёзовой листвы,
Но в той тени
так стало одиноко...
Смотрела я на мир
сквозь поволоку,
И не хватило небу синевы...
Куда идти?
С какой звездой дружить?
И к облаку какому приглядеться?
Как объяснить
растерянному сердцу,
Что надо жить?..

Пылали маки в оперенье листьев,
Душа летела вслед
за мотыльками,
Держала счастье я
дрожащими руками
В кругу друзей
и непреложных истин.
Но друга предал друг. Мир замер.
И покатила песня под колеса...
И обернулись утренние росы
Слезам.

СОН

Я засыпала в радости земной,
Но ты пришёл, смыкая параллели,
На землю. За единственной.
За мной.
Я так нужна тебе в том мире?
Неужели...
Я думала, что я давно сильнее,
Но символы твои меня сильнее –
Из прошлого кричала тишина,
Да так, что впору умереть
над нею...
Твои черты мне были не ясны,
А всё вокруг знакомо до предела...
Но из угла чудовище глядело,
И кто-то хохотал из-под луны.
А в комнате моей другие дети
Мои следы топтали босиком.
А я давилась мертвенно комком –
Ты метил в сердце,
зная всё на свете.
Скажи, зачем тебе проделки эти?..

Во чреве тёмной-тёмной ночи
таился день.
Он тронул веки,
взял меня за плечи,
Ближайший сон
вдруг стал звезды далече,
И дня вчерашнего
мелькнула тень...
Но солнце выкатило, небо рассияв,
Ты ни о чём не спрашивал меня,
И я забыла посреди упругих трав
Черты былого призрачного дня.

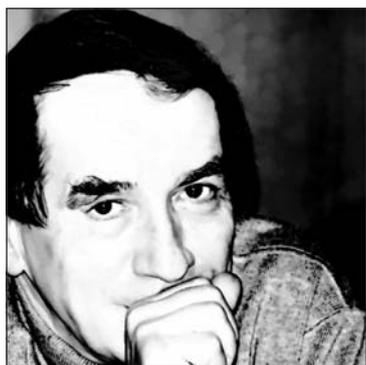
БЕССОННИЦА

Мурлычет безмятежно кот.
Меня же мучает загадка:
Не объявил ли мне бойкот
Мой ангел, если мне не сладко...

Свой образ изменили вещи,
Покровы ночи надевая.
Придёт ли сон? Придёт ли вещей?
Свободно место на диване...

Но в темноте ночной, сплошной
Передо мной стена пустая...
Пойду-ка, разбудю кота я.
Пускай теперь не спит со мной.

Звучала тишина.
Увы, не в той октаве.
Во мне рождая грусть.
И мысли всё не те.
В закат свернулся день.
Но на душе оставил
Сомнения мои
в несбыточной мечте.
Что делать мне с мечтой?
Прогнать её – не в силах.
И торопить её – напрасна суета.
Благодарю мечту за то,
что возносила
Над суетой сует.
Хотя была проста...

САДОВНИКИ И ЗЕМЛЕКОПЫ

дубейты

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

ПРОСТОЕ ДЕЛО

Начни, поэт, –
рука твоя легка!
Что проще может быть –
постичь сердца, века,
в мгновенье стать
раскосой рысью или
оленьей важенькой,
кормящей сосунка...

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

На зябких проталинах,
мокрых тропинках лесных –
здесь все тебе рады,
как будто приходу весны.
И платье твоё кончил в срок
для весеннего бала
луч солнца,
продетый в игольное ушко
сосны...

СКВЕРНОЕ

НАСТРОЕНИЕ

Весь день с утра
томительный и хмурый.
На окнах дождь
весь день висит понуро.
Проснуться среди ночи –
тот же дождь.
И над самим собой
заплакать сдуру...

TRIFOLIUM ARVENSE

В чисто поле изгнанный
из сада,
в меру глупый,
в меру франтоватый,
всех бурёнок сладкая мечта –
клевер, клевер,
баловень лохматый!..

ОТРАЖЕНИЕ

ВРЕМЕНИ

О, времени
медлительнейший яд...
Казалась вечной
молодость твоя.
Что в зеркале увидел ты
сегодня?
Что в зеркале
вчера увидел
я?

СВОБОДА

Дали волю.
Ну, теперь – доволен?
Засмеялся.
Свистнул ветра в поле.
День свистел, второй...
Вернулся мрачный:
«Надоело!
Привяжите, что ли...»

СТО ПЕРВЫЙ

РЕЦЕПТ

От ста лекарств –
в глазах уже темно.
Сто новых
вам пропишут тотчас.
Но
ста лекарей искуснее
луч солнца,
прорезавший больничное
окно!..

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Бессмертен, кто пал
в справедливом бою
за жизнь и свободу.
Твою и мою.

Их смерть –
это глупая выдумка чья-то.
Не мёртвым
на кладбище птицы поют!..

ТРЕВОГА

И НАДЕЖДА

...А если всё ж
увидеть нам придётся,
как от разрывов бомб
померкнет солнце?!
А если...
если...
Только б не отстать
голубке
от кормы ракетноосца...

ОДИН НА РАССВЕТЕ

Проснулся под утро
в постели пустой...
Где та,
что была с тобой рядом? –
Друг мой,
ты слышишь,
зарю петухи прокричали?
Ночь минула –
ведьмам пора на покой...

КОГДА УХОДИТ...

О том, что любовь
предпочла не тебя,
кричишь на весь мир,
безутешно скорбя.
Глупец,
ты в своём ослепленьи
подобен
собаке,
что лает сама на себя!..

О СВОИХ И ЧУЖИХ

Ни кола чужого,
ни двора
мне не надо.
Хлеб чужой – кора!
Все дороги
приведут меня из Рима
в край родной,
где и печаль – сестра...

КАК ЭТО БЫЛО РАНЬШЕ

Лечил недужных Авиценна,
и в ремесле,
почти священном,
корысти был лишён Старик,
но каждой травке
знал он цену!..

НОВОЕ ЗРЕНИЕ

Мир розовый цвёл
на ребячьем холсте.
Одна была сказка –
всех прочих честней,
в которой
остались от козлика
рожки
да влажная горсточка
гладких костей...

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОГОРОДЕ

Наткнулся в огороде
на скелет...
«Скажите, Йорик,
быть мне или нет?» –
«Послушайте,
а мне-то что за дело!» –
так неучтиво-странным
был ответ...

СОН В ВЕСЕННЮЮ НОЧЬ

Стрелку – мишень,
поэту – гром оваций,
козе – цветущий луг
и заросли акаций...
А что приснится
этой ночью мне –
одна лишь ты
могла бы догадаться...

ДУША И ТЕЛО

Над могилой
родственники плачут,
а душа смеётся –
не иначе!
Лишний груз –
бесчувственное тело
для души
беспутной и бродячей...

ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Твой голос уверен
и в шумном застолье
не слаб.
И тем, кто с почтеньем
внимает тебе –
нет числа.
Но только ли хвост,
разве только лишь
длинные уши
среди прочих ослов
отличают осла?

ДВА МУДРЕЦА

Двух мудрецов
Господь явил на свет,
чтоб мир постичь.
И в мире сотни лет
и плачут,
и смеются рядом с нами
два мудреца –
ребёнок и поэт...

ВЫБОР

Обнялись у крайнего
окошка.
Развели их
дальние дорожки.
По грибы – по ягоды.
За славой.
Кто – куда.
Кто с песней.
Кто с лукошком...

ПУТИ ПОЗНАНИЯ

«Познай меня!» –
мерцает космос звёздный.
«Меня, меня!» –
лукаво шепчет роза.
Соблазн велик.
И некогда ему
постичь себя,
пока ещё не поздно...

АТМОСФЕРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Низко ветер прошёл
в отдаленье,
словно стадо спугнули
оленье,
словно ты обо мне
вспоминала,
тех, кто рядом,
забыв на мгновенье...

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Навалилось горе –
солнце застит.
Повздыхали...
Поровну, на части
поделили...
Глядь, а на двоих
обернулось горе
трудным счастьем...

НЕДОЛГИЙ ВЕК

Какое утро сладкое от пчёл!
Стою в саду цветущем,
горячо
жаляя вас,
приговорённых
к смерти...
Как будто сам
на вечность обречён.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Крепко
к простенькому быту,
словно гвоздиком прибита.
Ночью детский плач
разбудит –
звякнет преданно корыто...

ДЕРЕВО ПОЭЗИИ

Едва умолк –
и вот уже кричат:
«Всё не о том!
Не с этого б начать!»
...Как много возле древа
землекопов.
Не повредили б корни
невзначай!

Многополярный мир литературы в «Читальном зале»

<http://reading-hall.ru/pressa/20091027.html>

Создан новый литературный портал Читальный зал. По замыслу организаторов, он «объединяет в единое литературное Интернет-пространство достойные издания». Среди них — международные «Журнал Поэтов», «Дети Ра», «Крещатик», а также «Комментарии», «Футурум АРТ», «Современная поэзия», «Знание – сила», «Литературная учеба». Здесь же можно найти петербургские журналы «АКТ», «Зинзивер» и «Словолов», детский «Подсолнушек» и другие издания.

«Нам представляется, что мир литературы должен быть многополярным. Только тогда читатель сможет составить адекватное представление о современной изящной словесности», – считают создатели портала.

В отличие от «Журнального зала», который включает только «толстые» журналы, новый портал стремится дать более широкую картину современной художественной литературы. Именно поэтому здесь публикуются как новинки «толстяков», так и материалы различных «тонких» журналов, альманахов, сетевых изданий. Кроме того, в «Читальном зале» можно посмотреть свежие выпуски газет «МОЛ» и «Литературные известия», познакомиться с новинками небольших издательств.

В Наблюдательный совет проекта вошли Владимир Бояринов, Максим Замшев, Константин Кедров, Максим Лаврентьев, Евгений Степанов и Дмитрий Цесельчук.

«Читальный зал» — открытый проект, который будет постоянно расширяться. В ближайшее время здесь можно будет увидеть тексты, напечатанные в «АКТЕ», «Словолове», «Стыхе» и подобных малотиражных и малодоступных изданиях.

Таким образом, «Читальный зал» значительно дополнит картину, созданную Новой литературной картой России, «Журнальным залом» и евразийским журнальным порталом «Мегалит».

Ольга Логош,
журнал «Питербук»

Подписка-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

**3 месяца — 150 рублей,
6 месяцев — 250 рублей,
1 год — 450 рублей.**

**При оформлении годового
абонемента экономия от 50
до 150 рублей!**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

*По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ** «Литературного меридиана»*

Пластиковая карта

№ 4276 8500 9681 2919

в арсеньевском ОСБ № 7718/7718

Получатель –

*Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.*

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) **914-666-1-999**

Тел. (+7) **924-263-29-79**

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: **Lm-red@mail.ru**

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

Объем издания – 4 печатных листа.
Тираж 500 экз. (включая эл. версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 ноября в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.